

МОСКОВСКІЯ ЦЕРКОВНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА,

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: безъ доставки на годъ 3 р. 50 к.,
на полгода 2 р., на 3 мѣсяца 1 р., на 1 мѣсяць 40 к.
Съ доставкой и пересылкой на годъ 5 р., на полгода
3 р., на 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяць 1 р.
ОТДѢЛЬНЫЕ №№ по 10 копѣекъ.

№ 14.

5 АПРѢЛЯ
1892-ГО ГОДА.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Арбатъ, Серебряный переулокъ
домъ Николаевенской церкви, квартира протоіерея
Виктора Петровича Рождественскаго.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ: за строку, или мѣсто строки
за одинъ разъ 10 к., за 2 раза 18 к. за 3 раза 24 к.

СОДЕРЖАНІЕ: Московская хроника. Внутреннія извѣстія. Миссіонерскій отдѣлъ. Записки Чемальскаго миссіонера Алтайской духовной миссіи за 1891 г. Слово въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Поученіе въ Воскресенье 5-ой недѣли великаго поста. Библиографическія замѣтки. Замѣтки и сообщенія о печати. Опечатки. Отъ редакціи.

МОСКОВСКАЯ ХРОНИКА.

— 29 марта, Его Высокопреосвященство Высокопреосвященнѣйшій Леонтій, митрополитъ Московскій и Коломенскій совершалъ литургію въ кафедральномъ, во имя Христа Спасителя соборѣ, вмѣстѣ съ благочинными монастырей, об. архимандритами Сергіемъ, Герасимомъ, Прокопиемъ и соборнымъ духовенствомъ.

— 30 марта, въ Муроваренную палату въ восьмомъ часу утра были принесены изъ Успенскаго собора древняя икона Корсунской Божіей Матери и св. Евангеліе и положены на аналояхъ, противъ находящагося здѣсь очага, въ которомъ были вставлены два серебряныхъ котла для варки св. мұра. Вокругъ очага были поставлены древніе четыре кубка съ масломъ и бѣлымъ виномъ, а на 30 серебряныхъ тарелкахъ положены ладанъ, мирра и другія благовонныя сухія вещества, входящія въ составъ св. мұра. На особыхъ полкахъ, находящихся въ юго-восточномъ углу палаты, были размѣщены: серебряные сосуды съ масломъ и виномъ и древніе серебряные вызолоченные кубки и бутылки, въ которыхъ были помѣщены жидкія благовонныя вещества для св. мұра и настоенное на нихъ масло. Къ восьми часамъ утра въ Муроваренную палату, переполненную массама богомольцевъ, прибыли оо. архимандриты: благочинный ставропигіальныхъ монастырей о. Андрей, благочинные московскихъ монастырей о.о. Григорій и Сергій, о.о. настоятели монастырей: Заиконоспасскаго, Высокопетровскаго, Златоустава, Покровскаго, Данилова, Срѣтенскаго, Николаевскаго греческаго, Чудова, синодальный ризничій о. архимандритъ Владиміръ и духовенство изъ Большаго Успенскаго собора съ хоромъ синодальныхъ пѣвчихъ. Въ восемь часовъ утра, въ Муроваренную палату изволилъ прибыть Его Императорское Высочество, Московскій Генераль-Губернаторъ Великій Князь Сергій Александровичъ въ сопровожденіи дежурнаго адъютанта. При входѣ въ палату Его Императорское Высочество былъ встрѣченъ прокуроромъ синодальной конторы тайнымъ совѣтникомъ А. Н. Шишковымъ и затѣмъ изволилъ подробно осмат-

ривать котлы и сосуды для св. мұра и входящія въ его составъ благовонныя вещества, причемъ необходимыя объясненія давались о. архимандритомъ Владиміромъ и его помощникомъ іеромонахомъ Василиемъ. Въ началѣ девятаго часа утра, въ Муроваренную палату прибылъ Его Высокопреосвященство владыка митрополитъ московскій Леонтій. Осѣнивъ присутствовавшихъ благословеніемъ, при пѣніи «Исполла эти деспота», Владыка митрополитъ гадъль метру и поверхъ мантии омофоръ, роздалъ о.о. архимандритамъ, облаченнымъ въ траурныя ризы, свѣчи и сталъ совершать молебствіе, въ началѣ котораго было исполнено «Царю Небесный» и тропари Св. Духу и Успенію Богоматери. Послѣ чтенія св. Евангелія и положенныхъ молитвъ, Владыка совершилъ освященіе воды, при чемъ тропарь «Спаси, Господи» пѣли не пѣвчіе, а священнослужители. Окропивъ св. водой масло, вино и благовонныя вещества и котлы, Владыка митрополитъ прочелъ особую положенную молитву, влилъ въ каждый изъ котловъ по кубку съ масломъ и виномъ и высыпалъ благовонныя вещества, бывшія на тарелкахъ, помѣщенныхъ вокругъ очага. Остальное масло, въ количествѣ 16 пудовъ и три ведра вина вливали въ котлы изъ серебряныхъ сосудовъ діаконы, причемъ каждый сосудъ благословлялся Владыкой митрополитомъ. Затѣмъ Высокопреосвященнѣйшій зажегъ пучъ лучины, положилъ въ печь, находящуюся подъ котлами, и сталъ читать св. Евангеліе отъ Матѳея. Прочитавъ два зачала, онъ разоблачился, а чтеніе св. Евангелія продолжали о.о. архимандриты и назначенное для этого духовенство. У каждаго изъ котловъ въ черныхъ облаченіяхъ поставлено было по два діакона, обязанность которыхъ — мѣшать непрерывно мұро въ котлахъ.

— 1 апрѣля, въ первомъ часу дня, закончилось вареніе мұра и огонь въ печахъ былъ загашенъ, но мұро попрежнему безпрестанно мѣшалось до поздняго вечера оо. діаконами для того, чтобы оно скорѣе остыло и чтобы лучше растворились и смѣшались тѣ благовонныя вещества и настоенное на нихъ масло, которыя были влиты наканунѣ и въ этотъ день утромъ въ котлы.

Въ семь часовъ вечера изъ мұроваренной палаты была уда-

лена публика, а въ десятомъ вечера чтение св. Евангелія прекратилось, муро было пропѣжено и слито въ большую серебряную вызолоченную «кадь» и сюда были влиты и смѣшаны съ нимъ благовонныя эфирныя масла, розовое, бергамотное, лавендуловое и другія. Въ двѣнадцатомъ часу ночи муро было о. синодальнымъ ризничимъ архимандритомъ Владиміромъ разлито въ 22 серебряныхъ съ крышками сосуда, которые были поставлены на особо-приготовленныхъ столахъ въ муроваренной палатѣ и запечатаны печатью о. архимандрита Владиміра. Древній алавастръ съ святымъ муромъ, согласно уставу, находившійся во время муроваренія въ муроваренной палатѣ въ вверху пирамиды, гдѣ были расположены благовонныя вещества, былъ поставленъ на особо-уготованномъ столѣ въ углу муроваренной палаты предъ находящимся въ ней образомъ. Во время муроваренія благовоннымъ запахомъ была переполнена не только вся муроваренная палата, но и всѣ расположенныя вокругъ нея помѣщенія.

— 1 апрѣля, литургію преждеосвященныхъ даровъ въ каѳедральномъ во имя Христа Спасителя соборѣ совершалъ Владыка митрополитъ московскій Леонтій съ о. архимандритомъ Григоріемъ и соборнымъ духовенствомъ. Передъ началомъ литургіи, Владыка митрополитъ, согласно уставу, съ амвона обратясь къ народу, прочелъ особую молитву, во время которой богомольцы стояли на коѣнцахъ, затѣмъ произнесъ: «Благословите отцы, святіи, и простите ми грѣшному, яже согрѣшихъ во всей жизни моей и во всей святѣй четыредесятницѣ словомъ, дѣломъ, помышленіемъ и всѣми моими чувствами» и сдѣлалъ земной поклонъ предъ молящимися. При концѣ литургіи Владыка митрополитъ произнесъ краткое, но сильное слово, въ коемъ выразилъ мысль, что мы, православныя христіане, въ настоящее время, когда св. церковь воспоминаетъ дни спасительныхъ страданій Спасителя, должны усиленно молиться, посѣщать церкви и такимъ образомъ «сострадать» Христу Спасителю, Который, изъ безмѣрной любви къ людямъ, пострадалъ и принялъ крестную смерть за спасеніе міра. Подобно евангельской женщинѣ, принесшей въ даръ Христу драгоценное миро, и мы должны приносить во имя Его сильныя жертвы, свидѣтельствуя тѣмъ свою преданность Ему за Его безпредѣльную любовь къ человѣчеству, чрезъ то достойнымъ образомъ приготовиться встрѣтить радостный день Свѣтлаго Его Воскресенія. Послѣ литургіи, окончившейся въ половинѣ перваго часа дня Владыка благословлялъ богомольцевъ и при колокольномъ звонѣ изволилъ отбыть на Троицкое подворье.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Назначеніе епископа.—Девятисотлѣтній юбилей Волынской епархіи.—Обращеніе штундистовъ.—Выставка модели храма Воскресенія Христова.—Ремесленная школа для дѣтей духовенства.—Внутренній заемъ.—Новый выпускъ серій.—Правила меліорационнаго кредита.—Мѣры для улучшенія сельскаго хозяйства.—Устройство домовъ прирѣчья.—Новый питейный уставъ.—Болѣзнь министра финансовъ.

— На вакантную—по смерти архіепископа Веніамина—иркутскую архіерейскую каѳедру назначается нижегородскій и арзамасскій епископъ Владиміръ.

— «Холмско-Варшавск. Вѣстн. — сообщаетъ, что въ настоящее время уже выработана программа празднованія въ текущемъ году 900-лѣтняго юбилея Владиміро-Волынской епархіи и получено разрѣшеніе Святѣйшаго Синода на это празднованіе.

Оно приурочено къ 11-му мая, дню свв. Кирилла и Меодія и будетъ продолжаться три дня. Къ участію въ празднованіи приглашены преосвященные Холмско-Варшавскій и Подольскій, коихъ епархіи первоначально входили въ составъ Владиміро-Волынской епархіи.

— Изъ Симферополя въ «Московск. Вѣд.» пишутъ, что въ Лепетихѣ, Мелітопольскаго уѣзда, поголовно штундисты торжественно возсоединились съ православіемъ.

— 24-го марта, съ соизволенія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича, въ особомъ помѣщеніи при храмѣ Воскресенія Христова, воздвигаемомъ на мѣстѣ мученической кончины Императора Александра II (входъ со стороны Невскаго проспекта), открывается выставка замѣчательно красивой модели этого храма. По величинѣ это едва ли не первая и единственная модель такихъ разлѣровъ, дающая полное и ясное понятіе о будущемъ сооруженіи. Она работана на мѣстѣ постройки, сдѣлана изъ алебастра, скульптуромъ Ботта и окрашена во всѣ цвѣта, какими будетъ отличаться облицовка, со всѣми тѣми изображеніями ликовъ святыхъ, гербовъ губерній и пр., которыя будутъ украшать храмъ. Высоты имѣетъ она 5 аршинъ и установлена на оси, такъ что можетъ быть поворачиваема. Сквозь окна модели можно совершенно явственно видѣть всѣ три внутренніе нефа храма.

— «Русская Жизнь» пишетъ, что въ виду встрѣчающихся зачастую примѣровъ такой безпомощности дѣтей духовныхъ лицъ, неспособныхъ къ умственному труду или почему либо не имѣвшихъ возможности окончить полный курсъ ученія, вслѣдствіе чего многіе семьи остаются въ весьма тяжеломъ положеніи, святѣйшій синодъ обратилъ нынѣ вниманіе епархіальныхъ начальствъ на безусловную необходимость повсемѣстнаго открытія епархіальныхъ ремесленныхъ школъ, для дѣтей церковно и священнослужителей, которыя обезпечивали бы бѣднымъ дѣтямъ честный кусокъ хлѣба на всю жизнь.

— Въ видахъ содѣйствія развитію и улучшенію желѣзныхъ дорогъ и для возврата казнѣ суммъ, отпущенныхъ изъ казначейства на желѣзнодорожныя сооруженія, Высочайше повелѣно произвести внутренній заемъ на нарицательный капиталъ въ 75 милл. руб. кредитныхъ. Заемъ именуется «внутренній консолидированный желѣзно-дорожный заемъ, второй выпускъ 1892 г.», приносящій 4½% годовыхъ. Облигаціи выпускаются достоинствомъ въ 100, 500, 1,000, 5,000 и 10,000 р. кредитныхъ. Проценты уплачиваются по полугодію 1-го апрѣля и 1-го октября. Теченіе процентовъ съ 1-го апрѣля 1892 г. Тиражи ежегодно 2-го января и 1-го іюля, начиная съ 2-го января 1893 г. Облигаціи сохраняютъ платежную силу въ теченіе 30 лѣтъ. Министръ финансовъ объявляетъ, что поручено Государственному банку произвести реализацію займа продажей облигацій съ 1-го апрѣля 1892 г. въ Государственномъ банкѣ и въ провинціальныхъ его отдѣленіяхъ. Цѣны облигацій въ обезпеченіе задатковъ и ссудъ по казеннымъ подрядамъ будутъ не ниже 85 за 100, а до 1-го іюля 1892 г. по 90 р. за сто и по 56 р. золотомъ за сто при платежѣ таможенныхъ пошлинъ.

— Опубликованъ указъ о выпускѣ новыхъ шести разрядовъ серій билетовъ Государственнаго казначейства на 16,516,000 рублей.

— «Новости» знакомятъ съ выработаннымъ проектомъ будущей организаціи меліорационнаго кредита: ссуды его будутъ выдаваться на земельныя въ сельскомъ хозяйствѣ улучшенія, на осушительныя, обводнительныя и оросительныя работы, на лѣсныя насажденія, срокомъ отъ 10 ти до 35-ти лѣтъ, изъ

4% и съ соразмѣрнымъ платежному сроку погашеніемъ. Затѣмъ вводятся ссуды на пріобрѣтеніе землевладѣльцами живаго инвентаря, искусственныхъ удобреній, машинъ, орудій, срокомъ не свыше семи лѣтъ, на предъидущихъ условіяхъ. Завѣдываніе выдачами меліорационныхъ ссудъ сосредоточивается въ министерствѣ государственныхъ имуществъ по департаменту земледѣлія, въ губерніяхъ же поручается особымъ губернскимъ комитетамъ, дѣйствующимъ совмѣстно съ губернскими уѣздными земствами.

— «С.-Петербургскія Вѣдомости» слышали, что на дняхъ государственный совѣтъ приступитъ къ разсмотрѣнію проекта важныхъ мѣръ, выработаннаго сельско-хозяйственною комиссіею, учрежденною при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и касающагося правильной постановки земледѣльческаго и сельско-хозяйственного промысла и противодѣйствія сельско-хозяйственнымъ кризисамъ. Комиссія признаетъ необходимымъ: 1) правильно организовать лѣсной кредитъ на началахъ взаимности; 2) содѣйствовать улучшенію породъ скота; 3) установить государственное страхование посѣвовъ и скота; 4) произвести разселеніе деревень при помощи свободныхъ государственныхъ земель тамъ, гдѣ это необходимо по неудобному распредѣленію угодій; 5) содѣйствовать развитію интенсивнаго хозяйства у крестьянъ и мелкихъ землевладѣльцевъ; 6) содѣйствовать переходу крупныхъ хозяйствъ къ техническимъ производствамъ. 7) покровительствовать развитію специальныхъ культуръ и производствъ; 8) содѣйствовать развитію травосѣянія и увеличенію числа скотоводныхъ хозяйствъ; 9) въ возможно непродолжительномъ времени произвести реформу податной системы; 10) содѣйствовать образованію земледѣльческихъ товариществъ и союзовъ, и 11) всѣми способами содѣйствовать экспорту сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ переработанномъ видѣ.

— Въ той же газетѣ сообщается слухъ, что удачный исходъ опыта устройства домовъ призрѣнія на земскія средства въ Псковской губерніи, въ виду уменьшенія нищенства, побудилъ министерство внутреннихъ дѣлъ ко введенію домовъ призрѣнія и въ другихъ губерніяхъ.

— «Гражданинъ» сообщаетъ, что новый питейный уставъ окончательно одобренъ государственнымъ совѣтомъ.

— Газеты сообщаютъ, что министръ финансовъ Вышнеградскій въ четвергъ 26 марта послѣ засѣданія государственнаго совѣта почувствовалъ себя дурно и вернулся домой больнымъ. Послѣ оказанной врачебной помощи Вышнеградскій ѣздилъ въ Гатчину въ сопровожденіи доктора и вернулся въ Петербургъ сильно ослабѣвшимъ. Въ пятницу по телеграфу приглашенъ изъ Москвы Захарьинъ. Газета полагаетъ, что упадокъ силъ объясняется переутомленіемъ отъ занятій. По послѣднимъ извѣстіямъ здоровье министра финансовъ значительно улучшилось.

МИССИОНЕРСКІЙ ОТДѢЛЪ.

ЗАПИСКА ЧЕМАЛЬСКАГО МИССИОНЕРА АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССІИ, СВЯЩЕННИКА ПЕТРА БЕНЕДИКТОВА ЗА 1891 ГОДЪ *).

Чемальское отдѣленіе Алтайской миссіи занимаетъ площадь болѣе 5000 квадратныхъ верстъ. На всемъ этомъ огромномъ пространствѣ разсѣяно немногочисленное населеніе нашего от-

*) Эти записки, равно какъ напечатанныя въ прошломъ № записки миссіонера Мьютинскаго отдѣленія и имѣющія быть напечатанными

дѣленія, состоящее изъ русскихъ крестьянъ, обрусѣвшихъ инородцевъ, новокрещенныхъ алтайцевъ-калмыковъ и ихъ некрещенныхъ сородичей. Русскіе образовали одну деревню Эликманаръ, крещенные инородцы 11 селеній по берегамъ Катуні, одно селеніе на рѣкѣ Чемалѣ, одно—въ верховьяхъ рѣчки Узнези, а язычники-калмыки разсѣяны по всеѣмъ рѣчкамъ и ручьямъ отдѣленія. Всѣхъ крещенныхъ инородцевъ вмѣстѣ съ русскими не насчитывается и 1500 душъ обоего пола, а некрещенныхъ калмыковъ немного болѣе тысячи душъ. Изъ этихъ данныхъ видно, какъ незначительно населеніе нашего отдѣленія сравнительно съ его площадью и на какомъ огромномъ разстояніи разбросаны отдѣльныя группы жителей. Понятно, поэтому, сколько нужно времени и труда, чтобы объѣхать въ теченіе года все поселки крещенныхъ и хотя по одному разу побывать въ каждомъ селеніи. И дѣйствительно, обычная норма дѣлаемыхъ ежегодно верстъ миссіонеромъ по своему отдѣленію доходитъ до почтенной цифры 3000. При этомъ нужно замѣтить, что въ лѣтнее время въ большую часть селеній съ трудомъ можно попасть только верхомъ.

Съ какими трудами, лишеніями и даже опасностями сопряжены разѣзды миссіонера по дебрямъ Алтая,—объ этомъ писали и пишутъ все о.о. миссіонеры, подвизающіеся на Алтаѣ. Необходимо имѣть миссіонеру крѣпкое здововье и желѣзные нервы, чтобы безъ ущерба для своего организма прожить на Алтаѣ нѣсколько лѣтъ. И неудивительно, если изъ русскихъ миссіонеровъ почти все пріобрѣли какой-либо болѣе или менѣе мучительный недугъ на негостепріимномъ Алтаѣ. Громадный, утомительный и разрушительно дѣйствующій на здоровье трудъ только одна сторона жизни миссіонера. Часто физическое утомленіе сопровождается такими душевными волненіями, что горечь нравственной боли заглушаетъ физическое страданіе. Прежде всего удручаетъ миссіонера постоянно грызущая забота о новокрещенныхъ, которые требуютъ самыхъ неусыпныхъ попеченій. Съ мыслию о своей паствѣ миссіонеръ засыпаетъ и первая мысль при пробужденіи—опять тѣ же новокрещенные. И какъ бы ни былъ равнодушенъ человекъ къ своему дѣлу, но если онъ хотя немного сознаетъ отвѣтственность своего служенія,—его не можетъ не удручать забота о новокрещенной паствѣ. Это не то, что забота пастыря въ русскихъ приходахъ. Тамъ сама паства помогаетъ священнику нести бремя его тяжелаго служенія. Русская паства понимаетъ заботливаго пастыря, принимаетъ къ сердцу слова священника и ревнуетъ о христіанской жизни. По крайней мѣрѣ русская паства, какъ бы ни была мало развита, имѣетъ въ своемъ сознаніи религіозный идеалъ, къ которому она должна стремиться. Все труды священника сводятся лишь къ тому, чтобы указывать словомъ и примѣромъ пути къ достиженію этого идеала, напоминать о немъ своимъ пасомымъ. И русскій народъ любитъ такого пастыря, вѣритъ ему и слушаетъ его.

Совершенно въ иномъ положеніи находится миссіонеръ. Новокрещенная паства, едва воспринявшая начатки христіанской религіи, не могла еще выработать того руководящаго начала религіозной жизни, которое бы, находясь постоянно въ сознаніи новокрещеннаго, освѣщало все его душевныя движенія, опредѣляло бы грѣховность или позволительность всеѣхъ его поступковъ. Отсюда неизбежны безсознательные проступки противъ записки другихъ миссіонеровъ Алтайской миссіи присланы въ редакцію преосвященнымъ Владиміромъ, епископомъ Війскимъ, викаріемъ Томской епархіи, начальникомъ Алтайской и Киргизской миссій, съ просьбою о напечатаніи въ „Моск. Церк. Вѣд.“. *Ред.*

христіанской нравственности, еще чуждой новокрещеннымъ и идущей въ разрѣзъ съ его вѣковыми языческими традиціями и съ малолѣтства усвоенными привычками. Такъ, напр., русскій почти съ ужасомъ смотритъ на нарушеніе великаго поста, нарушая же его, сознаетъ свою грѣховность, а новокрещенный легко нарушаетъ постъ, не понимая грѣховности такого нарушенія, потому что въ язычествѣ онъ не вѣдалъ никакого поста. И такъ во многомъ новокрещенный грѣшитъ, не понимая того, что онъ дѣлаетъ, не понимая или, вѣрнѣе, недоумѣвая, почему тотъ или иной поступокъ считается грѣховнымъ, тогда какъ этотъ самый поступокъ ему кажется безразличнымъ. Поэтому, вѣроятно, алтайцы и мотивируютъ свой отказъ принять христіанскую религію тѣмъ, что ее тяжело «содержать». Калмыку-язычнику кажутся странными тѣ правила жизни, какія предъ являетъ своимъ послѣдователямъ христіанская религія. Часто (при этомъ) самыя горячія увѣщанія не ведутъ ни къ чему, потому что новокрещенный не можетъ понять, чего отъ него требуютъ. При такихъ обстоятельствахъ гнетущая скорбь бываетъ такъ велика, что предъ нею блѣднѣютъ физическія утомленія, такъ что иной разъ самая плохая дорога кажется отдыхомъ послѣ посѣщенія какой либо деревушки новокрещенныхъ. И если трудно воспитать отдѣльнаго человѣка, то какой же громадный трудъ представляетъ воспитаніе цѣлаго племени!

Многіе акты исторической жизни народовъ проходятъ почти незамѣтно для современниковъ и только послѣдующія поколѣнія въ должной мѣрѣ оцѣниваютъ тѣ или другія событія и дѣятели, часто только по прошествіи долгихъ лѣтъ познается истинное значеніе повидимому и незначительныхъ обстоятельствъ въ жизни вакого либо народа. Труды обыденные, совершаемые въ тиши людьми, которые въ малѣ двигаютъ народы по пути развитія, часто ускользаютъ отъ вниманія даже и пытливыхъ личностей. Скорбь этихъ дѣятелей, ихъ жизнь забывается, а между тѣмъ на нихъ рождается такъ называемый и самый прогрессъ. Извѣстно всякому, что всѣ величайшія преобразованія въ жизни народовъ постепенно подготовлялись предварительною массовою работою маленькихъ людей, и уже на подготовленной почвѣ совершали свои великія дѣянія гениі народовъ. Историческое значеніе миссіи обрисовуется должнымъ образомъ развѣ въ будущемъ.

При столкновеніи двухъ противоположныхъ по духу и образу жизни національностей не можетъ не быть такихъ случаевъ, которые угнетающе дѣйствуютъ на человѣка, не лишенаго чувствительности. Съ одной стороны миссіонеру приходится защищать слабѣйшее племя новокрещенныхъ алтайцевъ отъ притязаній со стороны русскихъ, съ другой—онъ поставленъ въ необходимость считаться съ правами русскаго человѣка. Историческая судьба алтайскаго племени въ настоящее время опредѣлилась достаточно ясно. Это небольшое племя, вошедшее въ составъ русскаго государства, уже не можетъ жить особнякомъ а чтобы поддержать свое существованіе, оно рано или поздно должно слиться съ русскимъ народомъ, составить съ нимъ одно цѣлое. Приливъ русской крови къ этому вымирающему племени освѣжить и усилить его, переродить его въ здоровый и трудолюбивый народъ, что уже сейчасъ можно замѣтить на инородцахъ осѣдлыхъ, въ которыхъ кромѣ едва уловимыхъ чертъ монгольскаго типа мало осталось свойствъ коренныхъ алтайцевъ. Наша православная миссія, проповѣдуя христіанство кочевникамъ Алтая, является однимъ изъ могучихъ факторовъ этой ассимиляціи алтайцевъ съ русскимъ народомъ. Едва ли будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что не будь на Ал-

таѣ проповѣди христіанства—его обитатели были бы обречены на совершенное исчезновеніе. Христіанская религія, дѣлая алтайцевъ братьями русскихъ по вѣрѣ, даетъ имъ возможность стать въ близкія отношенія къ русскому человѣку, который вступаетъ даже въ кровныя узы съ еще вчерашнимъ кочевникомъ. Такимъ образомъ дѣло обрусѣнія края, дѣло огромное и важное, постепенно, хотя и очень медленно, подвигается впередъ, благодаря христіанству. Но это еще не доказываетъ, что дѣло обрусѣнія идетъ совершенно мирно и не вызываетъ со стороны алтайцевъ сопротивленія, особенно со стороны язычествующихъ, которые со скрытымъ нерасположеніемъ относятся ко всему русскому. Даже нѣкоторые и крещенные алтайцы туго поддаются обрусѣнію, неохотно принимаютъ русскіе обычаи и время отъ времени проявляютъ свою племенную вражду къ русскому человѣку. Только тѣ селенія, гдѣ насчитывается нѣсколько русскихъ домовъ, замѣтно начинаютъ оставлять свой кочевой образъ жизни, принимаютъ русскую окраску, а предоставленные самимъ себѣ алтайцы еще продолжаютъ жить по дѣдовскимъ обычаямъ, только религіей отличаясь отъ своихъ некрещенныхъ собратій. И долго еще, вѣроятно, Алтай будетъ центромъ азіатской лѣни, неподвижности и бѣдности при богатыхъ дарахъ природы, если не поселится на немъ истинно русскій православный крестьянинъ.

Минувшій 1891 годъ не можетъ отмѣтить въ хроникѣ Чемальскаго отдѣленія ни одного выдающагося событія. По возвращеніи съ братскаго съѣзда мнѣ приходилось почти ежедневно развѣзжать по своему отдѣленію для удовлетворенія духовныхъ нуждъ своихъ пасомыхъ. Съ наступленіемъ великаго поста, а затѣмъ Свѣтлой недѣли все время было употребляемо на приготовленіе говѣющихъ ко Св. Причащенію и на посѣщеніе домовъ прихожанъ со св. иконами. Если бы удѣлять по недѣлѣ поста на каждое селеніе для говѣнія, то не хватило бы времени св. Четыредесятницы. Между тѣмъ было желательно, что бы всѣ прихожане имѣли возможность исполнить христіанскій долгъ исповѣди и Св. Причастія. Съ этою цѣлію, начиная съ первой недѣли поста, говѣніе совершалось одновременно въ двухъ селеніяхъ. Въ одномъ подготовлялъ ко Причащенію говѣющихъ и отправлялъ для нихъ богослуженіе самъ миссіонеръ съ кѣмъ либо изъ учителей, а въ другомъ селеніи тоже исполнялъ псаломщикъ. Причащались и въ субботу, и въ воскресенье, для чего миссіонеръ долженъ былъ переѣзжать изъ селенія въ селеніе. Дни пріобщенія и исповѣди особенно утомительны для священника. Въ субботу, пріобщивши иной разъ болѣе ста человѣкъ, ему должно въ тотъ же день по дурной дорогѣ ѣхать въ другое селеніе, иногда за 30 верстъ и тотчасъ же по пріѣздѣ, до поздней ночи исповѣдывать говѣющихъ въ такомъ же количествѣ, а наутро пріобщать. И это почти каждую недѣлю. При этомъ нужно замѣтить, что время говѣнія—самое удобное время для наученія молитвамъ и истинамъ вѣры. Поэтому, помимо богослуженія, велись бесѣды съ говѣющими, обучались послѣдніе молитвамъ, а также обычно совершались и требы. Словомъ, во всю св. Четыредесятницу съ ранняго утра до поздняго вечера миссіонеръ былъ занятъ тяжелымъ трудомъ, что при неудобныхъ развѣздахъ, плохихъ помѣщеніяхъ и скудномъ питаніи совершенно обезсиливаетъ и самаго крѣпкаго человѣка. И я вполне сочувствую своимъ собратьямъ-миссіонерамъ, изъ которыхъ одинъ жаловался на опухоль ногъ отъ продолжительнаго стоянія, а другой писалъ: «лежу, не могу двигаться, говорить и мыслить». Такъ утомительны для миссіонера великопостные труды.

За страдлымъ временемъ великаго поста наступила Свѣтлая седмица съ ея ежедневными служеніями и хожденіемъ по домамъ со св. иконами. И въ это время хотя тотъ же почти трудъ, тѣ же неудобные переѣзды, та же обстановка,—однако духовная радость всемірнаго торжества такъ живительно дѣйствуетъ на ослабленный трудами организмъ, что забывается утомленіе, не чувствуется физическихъ болей и душа полна восторга и готова постоянно восклицать: «Христосъ воскрес!» И если могутъ быть какія радости для миссіонера,—такъ эти радости даетъ съ избыткомъ Свѣтлая недѣля. Какія радостныя лица, сколько восторга слышится въ пасхальныхъ пѣсняхъ, которыя раздаются вельдъ св. Иконъ, шествующихъ по жилищамъ бѣдныхъ сыновъ Алтая, сколько торжества въ пасхальномъ привѣтѣ: «Христосъ воскрес!» Ясный весенній день, расцвѣтающая природа, громъ играющихъ горныхъ рѣчекъ, звонъ колоколовъ, прибранныя хаты, выметенные аулы, праздничные наряды, радостныя лица народной толпы, съ воодушевленіемъ поющей побѣдную пасхальную пѣснь, св. Иконы, какъ бы по воздуху плывущія по улицамъ селеній—все это умиляетъ сердце, подымаетъ духъ человѣка и даетъ невыразимое наслажденіе вѣрующей душѣ. «Воистинну воскрес!» носится въ воздухѣ. «Воистинну, воистинну воскрес!» Ибо самое воспоминаніе о величайшемъ событіи въ мірѣ способно преобразовать человѣка, сдѣлать истиннымъ человѣкомъ, образомъ и подобіемъ Бога Живаго! И не смотря на видимую бѣдность,—все жители принимали св. Иконы, тратили послѣдніе гроши, чтобы купить свѣчку ко св. Иконамъ, (чтобы имѣть счастье слышать у себя дома пасхальныя, радостныя пѣсни). Не осталось ни одной хаты, ни одной юрты, которыхъ не освятили бы своимъ присутствіемъ св. Иконы, которыхъ не были бы окроплены св. водою и въ которыхъ не прозвучали бы громоносныя, торжественныя, побѣдные клики во славу Воскресшаго Жизнодавца.

Миновались дни св. недѣли, кончилось хожденіе со св. Иконами, нужно было подумывать и о поѣздѣ въ стойбища калмыковъ. Представился и удобный случай. Въ Чемалѣ является ко мнѣ депутація отъ калмыковъ, кочующихъ по рѣчкѣ Эликманару съ просьбою водрузить крестъ на устьѣ рѣчки Сылтъ, гдѣ она впадаетъ въ Эликманаръ. На этомъ мѣстѣ, говорила депутація, мы, окрестившись, образуемъ селеніе. Я предложилъ имъ тотчасъ же окреститься и тогда исполнить ихъ желаніе о крестѣ. Они рѣшительно заявили, что не прежде окрестятся, какъ будетъ водруженъ крестъ. Подобное требованіе меня озадачило и я заподозрилъ искренность выраженнаго ими желанія принять св. крещеніе. Зная, что подобныя заявленія часто такъ и остаются одними заявленіями, я рѣшился побывать на самомъ мѣстѣ и назначилъ для этого день, когда бы къ моему пріѣзду собрались калмыки, которые пожелали поселиться на избранномъ мѣстѣ. Между тѣмъ это заявленіе встревожило жителей деревни Эликманаръ, которые считаютъ указанное инородцами мѣсто въ своемъ надѣлѣ. Пошли неблагоприятныя для дѣла толки, слышались стороною даже угрозы произвести насиліе надъ тѣми, кто поселится на указанномъ мѣстѣ, чтобы тѣмъ вызвать со стороны властей размежеваніе земель. Прошла недѣля и положеніе русскихъ и инородцевъ обострилось. Пришлось принять нѣкоторыя мѣры предосторожности, чтобы не вызвать между враждующими старонами какихъ либо (эксцентрическихъ) выходокъ и тѣмъ не навести нареканій на миссіонерское дѣла. Въ назначенный день я предложилъ чемальскому и эликманарскому обществамъ послать со мною выборныхъ, чтобы осмотрѣть спорное мѣсто и тамъ рѣшить мирнымъ путемъ дѣло образованія

новаго селенія. Выборные отъ Чемальскаго общества явились на сборный пунктъ вмѣстѣ со мною, тогда какъ со стороны жителей Эликманара таковыхъ не было, а явился, какъ бы случайно, одинъ изъ ихъ «рѣчистыхъ стариковъ», вѣроятно, для того, чтобы видѣть, чѣмъ окончится дѣло. Пріѣхали и калмыки. Я при выборныхъ людяхъ спросилъ ихъ, желаютъ ли они принять св. крещеніе безъ всякихъ условій, а по внутреннему убѣжденію въ спасительности христіанской религіи, на что получилъ категорическій отвѣтъ, что они только подъ тѣмъ условіемъ примутъ крещеніе, если имъ позволятъ основать селеніе на избранномъ ими мѣстѣ. Видимое дѣло, что инородцы смотрѣли на крещеніе, какъ на средство отобрать землю у крестьянъ, которою послѣдніе пользовались съ давнихъ поръ по показанію самихъ калмыковъ и выборныхъ отъ Чемальскаго общества. Крестьянинъ изъ деревни Эликманара велъ себя хотя сдержанно и доказывалъ законность пользованія крестьянами этой землей прежними межевыми знаками, однако не могъ скрыть своего волненія и едва удерживался отъ рѣзкихъ выраженій. Положеніе мое было крайне неприятное; мнѣ еще впервые пришлось присутствовать при явномъ выраженіи племенной вражды между жителями нашего отдѣленія. Въ спорѣ съ представителемъ крестьянскаго общества алтайцы совершенно уже опустили изъ вида свое желаніе принять св. крещеніе и только настаивали на одномъ, что они хозяева Алтая и имѣютъ полное право даже на всю землю, занимаемую крестьянами. При такомъ оборотѣ дѣла, я не могъ рѣшиться поставить крестъ на избранномъ калмыками мѣстѣ тѣмъ болѣе, что это мѣсто находится не далѣе четырехъ верстъ отъ деревни Эликманара, да и самая рѣчка Сылтъ не велика, удобной пахотной и сѣнокосной земли по ней такъ мало, что она не представляетъ никакихъ выгодъ для образованія на ней селенія. Заявивъ алтайцамъ, что не мое дѣло рѣшать спорные вопросы о землѣ, я предложилъ имъ письменно изложить свое желаніе образовать селеніе и условія принятія св. крещенія съ тѣмъ, чтобы я могъ для рѣшенія этого вопроса обратиться куда слѣдуетъ. Таковую подписку они дали, а я представилъ ее на благоусмотрѣніе его высокопреподобія, управляющаго миссіями Томской епархіи.

Между тѣмъ получила бумага изъ горнаго правленія по поводу земельного спора между жителями деревень Эликманара и Оноса, въ которой ясно было сказано, что тѣ земли, которыми общество крестьянъ или инородцевъ пользовались до 1861 года, должны считаться во владѣніи этихъ обществъ и неприкосновенными для другихъ. Въ виду этого я предложилъ Сылтинскимъ калмыкамъ образовать селеніе повыше желаемаго ими мѣста хотя на версту, внѣ грани деревни Эликманара или же, окрестившись, поселиться въ Оносѣ, гдѣ и земли удобнѣе и мѣсто привольное во всѣхъ отношеніяхъ, на что получилъ отказъ. Этимъ пока кочилось дѣло объ образованіи новаго селенія при устьѣ рѣчки Сылтъ, но не кончилось оно для миссіонерскаго дѣла. По всей береговой полосѣ нашего отдѣленія слухъ объ этомъ новомъ спорѣ калмыковъ съ русскими прошелъ съ необычайною быстротою. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали его рѣшенія и, нужно сказать, отъ души желали, чтобы это рѣшеніе было не въ пользу русскихъ. Этому обстоятельству можно приписать и то, что въ минувшемъ году было въ нашемъ отдѣленіи мало крещаемыхъ. Упорство Сылтинцевъ отразилось на всемъ языческомъ населеніи нашего отдѣленія.

2-го іюня, взявши для удобства проходнаго ящика, мы съ псаломщикомъ отправились въ стойбища калмыковъ, кочующихъ

по системамъ рѣчекъ Куюма и Узнези. Выѣхали мы изъ послѣдняго селенія Узнези послѣ обѣда, чтобы провести вечеръ въ бесѣдѣ въ ближайшихъ аилахъ. Однако противъ ожиданія мы не успѣли доѣхать до ближайшихъ юртъ и принуждены были переночевать подъ открытымъ небомъ у костра. Съ непривычки плохо спалось подъ развѣсистой сосной. Съ первыми проблемами зари я разбудилъ своихъ спутниковъ, и мы тронулись въ путь. На восходѣ солнца достигли мы первыхъ юртъ кочевниковъ. Женщины убирались со скотомъ, доили коровъ и кобылъ, а мужчины, бродя между юртами, орали пѣсни, потому что съ обиліемъ корма для скота появилась въ изобиліи и *арака*. Мы начали бесѣду, когда юрта наполнилась народомъ. Женщины слушали внимательно, но пьяные мужчины несносно надѣдали своими кривками и безтолково вмѣшивались въ нашу бесѣду. Имъ, какъ было замѣтно, хотѣлось, чтобы мы поскорѣ окончили свою рѣчь. И они достигли своей цѣли. Не прошло и полчаса, какъ ихъ пьяные крики принудили насъ замолчать. Тогда одинъ изъ калмыковъ, хмѣльный болѣе другихъ, началъ дѣлать упреки русскимъ и своимъ крещенымъ собратьямъ, въ томъ, что они отобрали тѣ земли, которыми пользовались отцы и дѣды присутствующихъ калмыковъ. Положеніе наше становилось щекотливымъ въ виду пьяной возбужденности калмыковъ. Я постарался разъяснить, что земля одинаково принадлежитъ какъ крещенымъ, такъ и некрещенымъ алтайцамъ. Если первые и надѣлены землей, въ извѣстномъ мѣстѣ, то потому, что они живутъ осѣдло, деревнями и имъ поэтому, необходимы для посѣвовъ опредѣленные надѣлы, что дѣло такъ ведется повсемѣстно, а некрещенные, какъ кочевники, могутъ жить по всему Алтаю, лишь бы не вытравливали табунами обработанныхъ полей новокрещенныхъ; наконецъ, и они могутъ креститься и образовать свои селенія, и имъ также отведется земля. Но многихъ словъ не хотѣли слушать, а кричали свое, что русскіе и крещенные отбираютъ ихъ земли и имъ, калмыкамъ, негдѣ жить. Креститься же они будутъ тогда, когда отберутъ у крестьянъ земли по рѣчкамъ Сылту и Эликманару. Здѣсь, очевидно, опьяненіе заставило высказать то, что алтайцы таятъ въ себѣ и чего трезвый калмыкъ никогда не скажетъ. Мы постарались поскорѣ оставить пьяныхъ собесѣдниковъ и поѣхали дальше.

Въ слѣдующихъ аилахъ мы нашли только женщинъ и подростковъ, а всѣ взрослые мужчины были на поправкѣ дороги, когорая нынѣшнею весною, благодаря многоснѣжной зимѣ, была совершенно испорчена. Здѣсь наша рѣчь не прерывалась и выслушивалась внимательно. Одно обстоятельство не могло не обратить на себя нашего вниманія. Въ одной юртѣ мы нашли двухъ молодыхъ женщинъ и старуху—свекровь ихъ. Когда мы повели рѣчь о вѣрѣ, старуха съ видимой неохотой слушала наши слова, прерывала нашу рѣчь разными замѣчаніями не вѣсткамъ, а подъ конецъ даже ушла изъ юрты. По уходѣ старухи, молодыя женщины оживленно стали насъ расирасивать о вѣрѣ, о жизни крещенныхъ и русскихъ людей, тогда какъ при старухѣ обѣ женщины не проронили ни слова и точно не живыя сидѣли на своихъ мѣстахъ. Мы постарались удовлетворить любопытству собесѣдницъ и подробно говорили о жизни русскихъ людей и новокрещенныхъ инородцевъ. Они замѣтно были удивлены, должно быть, никогда не бывали въ русскихъ селеніяхъ и не имѣли понятія о жизни новокрещенныхъ. Можно предполагать, что старшіе члены семьи нарочито держали ихъ въ невѣдѣніи относительно жизни новокрещенныхъ, чтобы и у нихъ не явилось желанія принять Св. крещеніе. Это вліяніе устарѣвшихъ въ язычествѣ калмыковъ несомнѣнно многимъ

препятствуетъ вступить въ ограду св. церкви. Наша бесѣда была прервана приходомъ старухи, при которой робкія женщины снова примолкли.

Дальнѣйшее наше посѣщеніе аиловъ сопровождалось обычными явленіями. Во многихъ аилахъ были пьяны и не слушали нашихъ словъ, въ другихъ не было никого, кромѣ дѣтей, а гдѣ и оказывались слушатели, то такъ апатично, невнимательно относились они къ словамъ проповѣдника, что слово замирало невыговореннымъ и сердце сжималось при видѣ такого равнодушія къ глаголамъ жизни вѣчной. Но долгъ миссіонера заставляетъ забираться все дальше и дальше въ глушь горныхъ трющобъ, все искать новыхъ, внимательныхъ слушателей и испытывать все новыя, горькія разочарованія. Такова доля миссіонера на Алтаѣ...

Послѣ этой новой поѣздки мы предприняли болѣе продолжительную поѣздку въ стойбища калмыковъ, кочующихъ вверхъ по Катуні и въ отдаленныя селенія нашего отдѣленія, жители которыхъ не могли исполнить христіанскаго долга исповѣди и Св. Причастія во св. четырёхдесятницу. Отпраздновали праздникъ св. Пятидесятницы въ Чемалѣ и отслуживши напутственный Господу Иисусу Христу и Его Пречистой Матери молебень, направились мы предварительно въ аилъ Уважанъ, лежащій въ 12 верстахъ отъ Чемала на рѣкѣ Чемалѣ. Суровая и многоснѣжная зима и здѣсь отразилась весьма чувствительно на дорогахъ. Всѣ рѣчки и ручьи, переполненные весной водою, размыли берега. Тропинки отъ излишней влаги осыпались, во многихъ мѣстахъ образовались грязныя болота, такъ что путь сдѣлался много труднѣе и опаснѣе, чѣмъ въ прошломъ году. За то въ это путешествіе мы не испытывали прошлогоднихъ неприятностей отъ ненастья: стояла прекрасная, теплая погода и насъ не мочило дождемъ. Такъ какъ жители Уважана отговѣли великимъ постомъ въ Чемалѣ, то мы здѣсь прожили только сутки. Съ вечера бесѣдовали съ новокрещенными, обучали ихъ молитвамъ, а на утро по обыкновенію среди деревушки былъ отслуженъ молебень съ водоосвященіемъ и всѣ дома были обойдены со св. водою и Животворящимъ крестомъ. Напомнивъ жителямъ при прощаніи объ обязанности христіанина не увлекаться языческими празднествами, мы отправились въ дальнѣйшій путь. Вечеромъ пріѣхали въ кочевья калмыковъ по рѣкѣ Бійкѣ. Калмыки были всѣ дома и слушать насъ собралась довольно большая толпа. Бесѣда наша началась чтеніемъ о твореніи міра и страшномъ судѣ. Слушалось оно молча и сосредоточенно. Завязалась бесѣда по поводу прочитаннаго. Возраженій со стороны калмыковъ противъ проповѣдуемаго ученія не было, кромѣ пустыхъ замѣчаній. Всѣ они соглашались съ высказываемымъ ученіемъ. Поздно вечеромъ кончилась наша бесѣда, а на утро поѣхали мы далѣе въ Чебу. Здѣсь мы остановились у одного богатаго и вліятельнаго калмыка, у юрты котораго толпилось много народу. Къ сожалѣнію самъ хозяинъ и большинство посѣтителей были пьяны. Приняли очень не дружелюбно. Хозяинъ съ перваго же раза мрачно глядѣлъ на насъ мутными отъ вина глазами, не спрашивалъ противъ обыкновенія новостей и даже не отвѣчалъ на наше пріѣтствіе. Я недоумѣвалъ, что подало ему поводъ къ такому неприязненному отношенію къ намъ. Когда же мой спутникъ—учитель сталъ распрасивать весьма осторожно и деликатно о членахъ семейства и о жителяхъ этой рѣчки (во время поѣздки мы собирали и статистическія свѣдѣнія), то хозяинъ грубо прервалъ его и съ крикомъ замѣтилъ: Какое вамъ дѣло до насъ?! «У насъ есть зайсаны, а васъ знать не хотимъ и слу-

шать не станемъ!» И всё присутствующіе въ юртѣ своими подобными взглядами и упорнымъ молчаніемъ на наше заговариваніе вполне одобряли хозяина. Мы сочли за лучшее выбрать изъ этихъ айловъ. Въ слѣдующихъ айлахъ мы не нашли учителей: всё разбрелись, кто въ гости, кто по дѣлу. Мы поехали дальше. По дорогѣ попадались поля ячменя, которыя усердно выпалывались хозяевами отъ сорныхъ травъ. Понятно теперь стало и отсутствіе калмыковъ изъ дому. Приѣхали въ Айшань. Сюда ранѣе меня приѣхалъ псаломщикъ и отправлялъ богослуженіе для говѣющихъ. Говѣты приѣхали и изъ сосѣдняго айла *Куу*, жители котораго заблаговременно были извѣщены о времени говѣнія. Приобщивъ говѣющихъ въ числѣ 60 человекъ, я въ тотъ же день отправилъ псаломщика въ крайнее селеніе отдѣленія—*Кайнчу* для подготовленія ко св. причащенію его учителей, а самъ съ учителемъ отправился опять по стойбищамъ калмыковъ, кочующихъ по рѣчкамъ Ядыкту, Эдигану, Кайнарѣ, Табылгѣ, Верхней Куу, Пельтиртукою, Тогускану и Патыгему. Язычники принимали насъ очень вѣжливо, съ должнымъ приличіемъ выслушивали нашу проповѣдь и любезно провожали насъ дальше. Не знаю, западало ли имъ въ сердце Слово Божіе, или эти слушатели были подобны евангельской почвѣ, поросшей терніями и волчцами. Съ особеннымъ вниманіемъ слушали проповѣдь на рѣчкѣ *Кайнарѣ*. Среди слушателей находился камъ, который также живо слѣдилъ за ходомъ бесѣды и противъ обыкновенія камовъ не хмурился на проповѣдника, а любезно поддерживалъ разговоръ. Въ эту поездку я познакомился съ замѣчательнымъ вѣрованіемъ алтайцевъ въ загробную жизнь. У язычниковъ Алтая нѣтъ определенныхъ вѣрованій, всё они имѣютъ какой-то отрывочный характеръ и крайне смутны у большинства. Только иные камы могутъ передать связно какое-либо вѣрованіе. Большинство изъ нихъ также не свѣдуци въ свой вѣрѣ, какъ и прочіе калмыки. Да и никто изъ язычниковъ не старается узнать своихъ вѣрованій, потому что алтаецъ настолько апатиченъ ко всему, что его не тревожитъ и такой важный вопросъ, какъ вопросъ о загробной жизни.

Пришлось намъ бесѣдовать, странствуя по рѣчкѣ Пельтиртукою съ очень ужъ ветхимъ старикомъ. Кромѣ его, было много и другихъ слушателей. Я повелъ рѣчь о смерти и будущей жизни. Слушали насъ внимательно, а старикъ, казалось, особенно напряженно слушалъ насъ, когда мы говорили о будущей жизни, которая наступитъ послѣ страшнаго суда. Предполая, что такая внимательность есть результатъ его желанія получше узнать христіанскую религію, я исключительно занялся имъ и сталъ съ нимъ разговаривать по поводу изложеннаго мною ученія.

— «Не правда-ли, старикъ» обратился я къ нему: «вѣдь стоить подумать о томъ, что насъ ожидаетъ загробомъ? Какъ ты думаешь?»

— «Что тутъ думать», отвѣтилъ онъ, пожевывая губами и какъ бы недоумѣвая надъ чѣмъ нибудь, а взглядъ его старческихъ, мутныхъ глазъ блуждалъ съ предмета на предметъ: «всѣ помремъ, вотъ я такъ скоро, скоро помру»...

— «Это вѣрно, что всё мы умремъ, но важно знать, что по смерти-то будетъ?» Опять сказалъ я.

— «Я не знаю, что тамъ будетъ», флегматично отвѣтилъ мнѣ старикъ; «а что скоро умру-это я знаю; мнѣ сказали».

Старикъ для чего-то снялъ шапку и погладилъ голову, а вѣтерокъ, пахнувши, потрепалъ его сѣдую и жидкую косу (мы бесѣдовали по обыкновенію на открытомъ воздухѣ).

— «Кто же тебѣ сказалъ?» изумился я.

— «Каждую ночь приходятъ ко мнѣ отецъ и мать и зовутъ меня съ собою».

— Во снѣ что-ли ты ихъ видишь?—опять спросилъ я, вытягивая отвѣты изъ старика, который становился все апатичнѣе и все съ большей неохотой отвѣчалъ на мои вопросы.

— «Нѣтъ не во снѣ. Ночами я не сплю, а вижу ихъ».

— «Если ты видишь отца и мать, то стало быть, они живы, значить есть другая жизнь, кромѣ этой? Не такъ-ли?» продолжалъ я.—Молчаніе. Въ слушателяхъ прорывается смѣхъ. Старикъ усердно началъ сосать трубку.

— «Такъ какъ-же ты думаешь, абшіякъ?» снова обратился я къ собесѣднику».

— «Прежде камы объ этомъ знали, заговорилъ старикъ, а нынче не видать такихъ людей»...

— «А ты не спрашивалъ, куда тебя зовутъ отецъ и мать и гдѣ они живутъ?» заинтересовался я. Слушатели вплоть придвинулись къ намъ, любопытство такъ и свѣтило въ ихъ глазахъ, устремленныхъ на старика, который, видимо, все болѣе смущался отъ всеобщаго вниманія. Улыбки не сходили съ губъ калмыковъ, даже трубки погасли и были сложены на траву. Одинъ старикъ продолжалъ окружать себя облаками дыма.

— «Для чего мнѣ ихъ спрашивать? Они стали *корюмесами* (нечистыми духами) и я сдѣлаюсь *корюмесомъ* же», проговорилъ старикъ нехотя.

Слушатели громко засмѣялись. Старикъ видимо, обидѣлся, поднялся съ мѣста и пошелъ, опираясь на палку, къ своему айлу. На томъ наша бесѣда покончилась, потому что слѣдомъ за старикомъ разбрелись и остальные собесѣдники.

Въ Кайнчѣ мы служили литургію и приобщали говѣющихъ. На обратномъ пути по дорогѣ посѣщали тѣ айлы язычниковъ, у которыхъ не были. Домой приѣхали 22 іюня.

Іюль и августъ—время неудобное для поѣздокъ по стойбищамъ язычниковъ, потому что это время—время наибольшаго среди нихъ и почти повальнаго пьянства. Кромѣ этого, съ августа жители, если они не пьяны, заняты полевыми работами, которыя въ нынѣшнее лѣто совершались особенно спѣшно, потому что хлѣбъ созрѣлъ рано. Затѣмъ настала горячая пора для сбора орѣха, такъ что айлы язычниковъ, и селенія новокрещенныхъ словно вымерли въ это время, всё бросились въ тайгу, такъ какъ урожай орѣха былъ необычайный. Дома оставались одни старики, да дѣти, неспособныя къ труду. При обильіи орѣха, пала и цѣна на него, такъ что заработокъ былъ не много болѣе, чѣмъ въ прежніе годы.

Я предполагалъ было осенью проѣхать съ проповѣдію по станамъ орѣшниковъ въ тайгѣ, но мучительный недугъ не дозволилъ мнѣ исполнить своего намѣренія.

Впрочемъ и за это время мнѣ не пришлось сидѣть дома. То для совершенія богослуженій, то для требоисправленій я разъѣзжалъ по отдѣленію, такъ что въ каждый мѣсяцъ приходилось дѣлать болѣе ста верстъ. Вотъ выписка изъ путевого журнала: въ іюлѣ сдѣлано 240 верстъ, въ августѣ 180, въ сентябрѣ 245 верстъ, въ октябрѣ 320 верстъ и съ 1 ноября по день написанія записки 230 верстъ, а всего съ января мѣсяца—3746 верстъ. Окрещено изъ язычества за это время 10 человекъ.

Миссіонеръ, священ. Петръ Бенедиктовъ.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ БЛАГОВѢЩЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ ВЛАДЫЧИЦЫ НАШЕЙ БОГОРОДИЦЫ И ПРИСНОДѢВЫ МАРИИ *).

(О христіанской радости).

*Благовѣстуй, земле, радость велию,
хвалите небеса Божію славу! Днесь спасенія нашего главизна.*

Вся небесныя силы святыхъ безплотныхъ духовъ, ангелы и архангелы, херувимы и серафимы! Составьте велий умный сонмъ и во главѣ съ благовѣстителемъ Гавріиломъ приникните съ выси небесной своими духовными очами и слухомъ въ бѣдную земную храмину Приснодѣвы! Приникните и воспойте Божію славу! Примите Богоотроковицу, вмѣщающую въ себя Невмѣстимаго, прігмите ее съ ея человѣческимъ тѣломъ и духомъ въ свой безтѣлесный небесный сонмъ и вознесите ее превыше всѣхъ своихъ ликовъ ангельскихъ. Она разрѣшила тайну, которая была недовѣдома и вашимъ небеснымъ умамъ. Она пріяла въ себя Того, Кто разрушитъ царство безплотнаго духа злобы, прежняго члена вашего сонма.—Приидите пророцы и вси святіи Завѣта Ветхаго! Изникните изъ своихъ адскихъ преисподнихъ темницъ, напрягите свои вѣжды и узрите сбытіе вашихъ тысячелѣтнихъ пророчествъ, чаяній, и вѣрованій и надеждъ! Что вы видѣли яко въ зеркалѣ и отчасти, какъ далекое будущее, то теперь вы узрите лицомъ къ лицу, какъ настоящее. Се—Дѣва во чревѣ пріяла и зачала Сына, Который уничтожитъ клятву и сокрушитъ адъ!—Прииди, весь міръ ветхозавѣтный! На тебѣ тяготѣло проклятіе отъ Адама, тебѣ затворены были двери рая, ты не зналъ ясно воли Господней, ты былъ рабомъ. Се—раба Господня, *ею же клятва исчезнетъ, се—падшаго Адама воззваніе, се—райскихъ дверей отверзніе, се—та, ею же Сына Божія познахомъ.*—Прииди, весь христіанскій новозавѣтный міръ! Вотъ спасенія твоего главизна! Вотъ лѣствица, которая спузвела къ тебѣ Бога и по которой ты можешь взойти къ Богу, вотъ Та, которая разрушила преграду между землею и небомъ, которая воплотила и родила твоего Спасителя!—*Велія благочестія тайна, чудное событіе! Небесная! Срадуйтеся земнымъ! Сливоствуйте небеснымъ, земная! Благовѣстуй, земле, радость велию! Хвалите, небеса, Божію славу!*

Послѣ творческихъ глаголовъ: *да будетъ*, велѣніемъ коихъ безконечная благость извела изъ небытія въ бытіе всю вселенную и человѣка, не было на пространствѣ тысячелѣтій звуковъ сладости тѣхъ, которыми чебо устами благовѣстителя огласило святыи слухъ Приснодѣвы: *радуйся*. Слово такъ свято, что для его вѣщанія потребовались уста архангеловы, а для его пріятія слухъ *всѣхъ тварей небесныхъ и земныхъ вышней*. Привѣтствіе такъ важно и драгоцѣнно, что вслѣдъ за Архангеломъ его воспѣваетъ немолчными устами вся церковь Христова на всякъ день и ночь и будетъ воспѣвать впредь до новыхъ вѣщаній трубы архангеловой. Сей дивный *архангельскій гласъ вопіемъ ти, чистая*, и мы своими грѣшными устами: *радуйся благодатная, Господь съ Тобою!*

Но что намъ воспѣваніе! Что намъ уста и звуки! Можно приближаться и чтить устами и сердцемъ отстоять далеко отъ

почитаемаго; можно воспѣвать словами, но не величать душой; можно вопіять: *радуйся*, но самому не быть причастнымъ радости. Архангелъ для того и возвѣстилъ въ слухъ всему міру радость на землѣ, чтобы мы сами возжгли сію радость въ своихъ плотяныхъ, омраченныхъ грѣхомъ, сердцахъ, чтобы на землѣ, которая вся во злѣ лежитъ, гдѣ служатъ діаволу и плоти, возсіялъ миръ небесной радости, началась новая жизнь духа, *жизнь радости*.

Великая виновница всемірной радости! Ты услышала первая святое благовѣстіе новой радости, ты первая духомъ возрадовалась ею о Бозѣ, Спасѣ Своемъ! Повѣдай-же намъ сію велию тайну радости, научи насъ радоваться!

Въ чемъ христіанская радость? Въ чемъ сіе великое блаженство? Христіанская радость, братіе, не земное веселіе. Это не беззаботное пѣніе птицы, которая вотъ теперь тамъ, по народному повѣрью, взвивается въ небесную высь а забывъ о своемъ гнѣздѣ, безконечно поетъ свою пѣснь... Это не веселый пиръ друзей, гдѣ забыто всякое горе и печаль, забыто все, кромѣ собственныхъ наслажденій. Это не смѣхъ и ликованіе богача, который владѣетъ полміромъ и пьетъ полную чашу земныхъ наслажденій, который не знаетъ: что такое повиновеніе, что такое недостатокъ, болѣзнь и печаль. Нѣтъ, братіе! христіанская радость это печаль. Это горькія, горькія слезы. Это безутѣшный плачь и страшное рыданіе. Переберите блаженства, эти Христовы привѣтствія христіанамъ. Тамъ веселіе только въ словѣ *блажени*, а дальше все плачь и печаль. *Блажени нищии, блажени плачущии, блажени алчущии и жаждущии, блажени изнани правды ради, блажени есте, егда поносятъ вамъ и ижденутъ и рекутъ всякъ золь глаголь на вы ляжуще Мене ради.*

Обрадованная Отроковица! Неужели и ты была привѣтствуема сею печалью? Неужели и Твоя храмина, оглашенная небеснымъ глаголомъ: *радуйся*—омрачилась плачемъ и рыданіями?—Хотя и слышала Пресвятая Дѣва небесное цѣлованіе радости, хотя Она и воспѣвала, сама, что ея духъ возрадовался, хотя и церковь немолчно поетъ ей сей архангельскій гласъ, однако архангелово вѣщаніе ей радости было вѣщаніемъ печали и слезъ. Пріяла Пречистая небесную вѣсть. Духъ Святыи нашелъ на нее, Сила Вышняго осѣнила ее—и слово воплотилось. Возрадовался духъ ея о Бозѣ. Но вотъ и слезы. Старецъ Іосифъ, ея обручникъ, *бурю внутрь имѣя помышленій сумнительныхъ, смятесе къ ней зря небрачней и брако-окрадованную помышлялъ*. Что можетъ быть горьче и тяжелѣе, какъ нечистое подозрѣніе того, кто былъ ей въ отца. Цѣломудренное святительство подозрѣвается въ нецѣломудріи! Міръ съ его мірскими стихіями возстаеъ на ту, которая носитъ начало жизни вышней. Но сія печаль была только началомъ скорбей.—Что она услышала въ 40-й день по рожденіи Христа во храмѣ? Богопримецъ Сумеонъ, по обѣтованію Божію ожидавшій увидѣть Спасителя, весь тогда обратился въ радость и воспѣлъ своими старческими устами предсмертную пѣснь радости о мирѣ и славѣ. Но Богематери, источнику радости, пророчески повѣщавалъ слезы и раны: *тебѣ же самой душу оружіе проидетъ* (Лк. X, 34). Твоя радость—сей Божественный Младенецъ—лежитъ на паденіе и на возстаніе многихъ во Израилѣ; но для тебя самой, для твоей материнской любви.—Онъ источникъ печали. Твое любящее материнское сердце будетъ такъ горько скорбѣть и страдать, какъ страдаетъ несчастный казненный или убиваемый воинъ, которому безжалостно вонзаютъ мечъ въ самое сердце.—Не будемъ смотрѣть на эти страшныя раны

*) Произнесено въ Покровскомъ храмѣ Московской Духовной Академіи 25 марта 1892 года профессорскимъ стипендіатомъ, іеромонахомъ Григоріемъ (Борисоглѣбскимъ).

материнскаго сердца, не станемъ слушать этихъ ужасныхъ рыданій. Ихъ было столько, сколько было враговъ у Христа. Пойдемъ на Голгоѳу. Вотъ Сынъ едиnorodный облеченъ въ терновый вѣнецъ. И руки и ноги пригвождены ко кресту. Осталось нѣсколько минутъ жизни. Страданія—неимоверныя. Злоба враговъ—неистощимая. Враги—и изъ тѣхъ нѣкоторые бьютъ себя въ грудь. Солнце меркнетъ, камни—распадаются отъ страшной казни голгоѳской; завѣса церковная не выносить мученій Богочеловѣка и раздирается на двое; могилы—и тѣ не стерпѣли ужаса крестныхъ страданій и разверзлись. Мертвецы пробуждены отъ своего долгаго непробуднаго могильнаго сна: они не смогли понести тяжести смерти Христовой и пробудились отъ смерти. Если камни и мертвецы возрыдали, то какими же слезами рыдала Матерь Христова? Какою печалью раздиралось ея материнское сердце?! Пусть лучше камни возопіютъ о силѣ скорби.—Вотъ, братіе, какова была радость Обрадованной. Вотъ какое цѣлованіе возвѣщалъ ей Архангелъ.

Такъ неужели въ христіанствѣ и нѣтъ радости, неужели намъ нѣтъ и веселія? Ръ этихъ слезахъ то, въ этихъ скорбяхъ и мученіяхъ и есть радость христіанина. *Кто любитъ отца или мать, больше, нежели Меня, не достоинъ Меня; и кто любитъ сына или дочь больше, нежели Меня, не достоинъ Меня.* (Мѡ. X, 37). Въ самомъ себѣ, въ своей плотской природѣ, которая тяготитъ душу къ міру и землѣ—источникъ печали. Это она проситъ у насъ любви къ отцу, и къ дочери, и къ сыну больше, чѣмъ къ Богу. Это она плачетъ отъ нечистыхъ подозрѣній, она боится за тѣлесную жизнь сына, это она стоитъ у креста и плачетъ о тѣлесной смерти Богочеловѣка. *Я пришелъ раздѣлить человека съ отцомъ его, и дочь съ матерью ея, и невестку съ свекровью ея. Враги человеку домашніе его* (—35. 36). Кто хочетъ быть истиннымъ послѣдователемъ Христа, тотъ пусть знаетъ, что онъ долженъ оставить всякія земныя даже семейныя привязанности. Это станетъ ему многихъ слезъ и скорбей. Но въ этихъ слезахъ, въ мужественныхъ перенесеніи ихъ, въ предпочтеніи небесныхъ привязанностей земнымъ—радость. И, несомнѣнно, Пресвятая Дѣва, проуразумѣвшая тайну крестной смерти, радовалась своимъ духомъ о велией побѣдѣ Ея Сына надъ смертію, въ то время, когда ея плотскій челоѣкъ горько рыдалъ. Радость христіанина пріобрѣтается скорбями и плачемъ плотскаго челоѣка. Пусть больше будетъ лишеній у плоти, пусть у ней больше ранъ, больше скорбей, пусть она умретъ отъ этихъ скорбей—и нашъ духовный челоѣкъ возрадуется истинною христіанскою радостью. Вотъ потому то свв. мученики, идя на страшную смерть на кострахъ, на аренахъ, подъ мечомъ и колесомъ, однако ликовали. Это ликовалъ ихъ духовный челоѣкъ въ то время, когда умиралъ плотской. *Если міръ васъ ненавидитъ, говоритъ Господь своимъ ученикамъ, знайте, что Меня прежде васъ возненавидѣлъ. Если бы вы были отъ міра, то міръ бы любилъ свое, а какъ вы не отъ міра; но Я избралъ васъ отъ міра, потому ненавидитъ васъ міръ... Если Меня мали, будутъ гнать и васъ... Вы восплачите и возрыдаете, а міръ возрадуется; вы печальны будете, но печаль ваша въ радость будетъ.* (Іоан. XV, 18. 49. XVI, 20). Вотъ въ чемъ наша христіанская радость. Если мы будемъ любить Христа, жить по Его духу, будемъ любвеобильны, справедливы, не горды, то—нашъ міръ, гдѣ правды не любятъ, гдѣ жаждутъ лести, гдѣ любятъ богатство и знатность, а не правду и добро, гдѣ Христа забыли, этотъ міръ насъ возненавидитъ. Нашему плотскому челоѣку будетъ много скорбей. Намъ придется жить

въ нищетѣ, въ незнатности; насъ будутъ зашарать, на насъ будутъ клеветать, доносить, наше имя пронесутъ вездѣ яко зло—но въ этомъ—то и должна быть радость наша. *Печаль наша въ радость будетъ и радости нашей никто не отниметъ у насъ* (—XVI, 20, 22). Тотъ, кто погонится за славою міра, тотъ погубитъ свое христіанство; кто будетъ подслуживаться плотскимъ началамъ—тотъ не Христовъ. Онъ, правда, пріобрѣтетъ богатство, честь и извѣстность,—но потеряетъ спасеніе. *Сберегшии душу свою, потеряетъ ее, а потерявшии душу свою ради Мене, т. е. предпочетшии безславіе и бѣдность земныя вѣрности Христу, сбережетъ ее* (Мѡ. X, 39). Какъ въ плотской жизни чѣмъ образованнѣе, воспитаннѣе и опытный челоѣкъ, тѣмъ у него и удовольствія выше и вкусы тоньше. Тоже и въ духовной. Богачъ думаетъ, что самое лучшее наслажденіе отъ богатства—употребленіе его на себя! Безумецъ! Если бы ты имѣлъ болѣе чистое сердце, то ты позналъ бы, что нѣтъ высшаго наслажденія отъ богатства, какъ помощь имъ по любви неимущимъ.

Скорби и слезы плотскаго челоѣка, ненависть міра и неудовлетворяемая мученія плоти, смертныя стоны ея—вотъ наша радость, вотъ наше веселіе.

Но, возлюбленные, причастны ли мы этой радости? Не убажамъ ли мы Богородицу только одними устами, а сердце свое оставляемъ закрытымъ къ сей радости?! Если такъ, если мы только повторяемъ слова пѣснопѣній церковныхъ: *радуися благодатная*, а сами и самую радость—то понимаемъ иначе, то пусть сему одушевленному Божию кивоту не коснутся наши скверныя руки! Пусть только уста вѣрныхъ послѣдователей Христовыхъ вопіютъ Богородицѣ немолчно отъ чистаго и искренняго сердца архангельскій гласъ. Мы недостойны сего. Наше сердце не чисто. Оно любитъ радоваться радостью земною, оно не любитъ страданій плотскаго челоѣка, оно боится угрозъ и прещеній міра.

Но доколѣ эта жизнь въ христіанствѣ безъ Христа?! Доколѣ это затверженное повтореніе священныхъ словъ, святыхъ воспоминаній одними устами?! Зачѣмъ это изученіе Христовой истины однимъ умомъ, одною памятью?! Зачѣмъ прикосновеніе къ кивоту Божественнаго вѣдѣнія скверными наемническими руками?! Доколѣ же эта жизнь вопреки всему хорошему по плоти, по животному закону, жизнь самолюбія, плотоугодія, гордости, жизни момента и счастья?

Днесъ спасенія нашего главизна. Покаяніе никогда не поздно. Но чѣмъ оно скорѣе, тѣмъ лучше. А намъ благовременно оно нынѣ въ виду этого Божія кивота, къ которому насъ не опускаетъ наша скверна, когда воспоминается начало нашего спасенія! *Покайтесь! Приближися бо царствіе Божіе.* Аминь.

ПОУЧЕНІЕ ВЪ ВОСКРЕСЕНЬЕ ПЯТОЙ НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА *).

Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче!

Такими словами св. церковь призываетъ насъ къ возбужденію въ себѣ покаяннаго настроенія духа, призываетъ насъ съ самаго начала приготовленія къ посту и будетъ продолжать во все время поста.—Но когда мы слышимъ это напоминаніе о покаяніи въ этомъ—ли или въ другихъ церковныхъ пѣснопѣ-

*) Произнесено въ Покровской церкви Моск. Дух. Академіи студентамъ IV к. Николаемъ Брянцевымъ.

ніяхъ, сознаемъ-ли мы, братіе христіане, всю важность этого напоминающаго призыва? Ясно-ли мы представляемъ себѣ, въ чемъ заключается сущность того покаянія, къ которому призываетъ насъ церковь? Сознаемъ-ли мы нужду въ томъ покаяніи? Не считаемъ-ли мы его совершенно лишнимъ бременемъ, которое напрасно тяготитъ насъ?—Вотъ вопросы, которые возбуждаются въ насъ, какъ скоро мы слышимъ покаянный призывъ, молитву церкви о дарованіи намъ внутренняго покаянія: покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче!

Смысль самого слова: покаяніе вполне понятенъ для насъ, потому что мы часто въ нашей обыденной жизни призываемъ другихъ людей къ покаянію предъ собою,—призываемъ даже, можетъ быть, чаще, чѣмъ слѣдовало бы. Обратите вниманіе, братіе, на наши обыкновенныя житейскія отношенія. Что главнымъ образомъ лежитъ въ основаніи ихъ? Не то ли постоянное желаніе, чтобы насъ, нашу личность всегда цѣнили, уважали, предъ нами поклонялись? Не замѣчаете ли вы, что все, что касается насъ, живо насъ интересуетъ,—что мы ревниво оберегаемъ себя отъ всѣхъ постороннихъ нападений и обидъ? Въ толкованіи же этихъ обидъ изощряемся даже до художества; во всякомъ вскользь брошенномъ словѣ стараемся увидѣть что-либо неприятое, обидное для насъ, и готовы каждую минуту призывать окружающихъ насъ къ покаянію предъ собою.—То, что называется въ нашемъ житейскомъ быту именемъ покаянія, заключаетъ въ себѣ одну черту, которая мыслится и въ самомъ христіанскомъ покаяніи. Эта черта есть сожалѣніе о происшедшемъ, сказанномъ или сдѣланномъ.—Но если въ житейскомъ быту, когда одинъ человѣкъ, оскорбленный другимъ (дѣйствительно или воображаемо), требуетъ отъ него извиненія,—возможно обойтись иной разъ и даже нерѣдко чисто формальнымъ отреченіемъ отъ сказаннаго или сдѣланнаго,—отреченіемъ, ни къ чему въ будущемъ не обязывающимъ ни обидѣвшаго, ни обиженнаго,—то христіанское покаяніе, къ которому чада церкви призываются ею въ дни великаго поста, требуетъ искренняго глубокаго сокрушенія о содѣянныхъ грѣхахъ. Формы покаянія, какъ видите, различны,—но онѣ различны по различію принциповъ, лежащихъ въ основаніи нашихъ житейскихъ отношеній и отношеній между Богомъ и людьми. Въ первомъ случаѣ—уродливыя формы личнаго самолюбія, на которомъ зиждется нашъ житейскій міръ, создаютъ такія же неестественныя, уродливыя внѣшне-приличныя отношенія, построенныя тоже на себялюбивой лжи. Въ другомъ же случаѣ нѣжная трогательная любовь Бога, которая лежитъ въ основаніи отношеній Бога къ людямъ, заставляетъ и людей платить въ свою очередь такую же любовью по отношенію къ Богу и,—если они согрѣшили, то искренне глубоко покаяться въ содѣянныхъ грѣхахъ, оставивъ ихъ и перемѣнивъ такимъ образомъ свою грѣховную жизнь на святую,—богогодную,—такъ какъ только чрезъ эту внутреннюю перемѣну всего грѣховнаго существа можно опять возстановить прерванный союзъ съ Богомъ, ибо *кое общеніе святу ко тмъ?* говоритъ писаніе. (2 Кор. VI, 14).

Разсмотримъ частіе то внутреннее покаяніе, котораго требуетъ отъ насъ наша церковь.—Анализируя его, мы находимъ, что оно состоитъ прежде всего въ сознаніи человѣкомъ заблуждений своей предшествующей жизни, мерзости своихъ поступковъ,—однимъ словомъ въ томъ сознаніи своей духовной пустоты, ничтожества и нищеты, о которомъ Христосъ говоритъ въ блаженствахъ: *Блаженни нищии духомъ, яко тѣмъ есть царствіе небесное* (Мѡ. V, 3).—Не даромъ это состояніе

духовной нищеты поставляется Христомъ въ началѣ для восхожденія по ступенямъ нравственной жизни. Въ жизни нравственной оно, дѣйствительно, служитъ первой ступеню христіанскаго покаянія и плодомъ его, какъ потомъ оно же служитъ и ближайшимъ побужденіемъ начать внутреннее обновленіе. Не будь этого сознанія внутренней неудовлетворенности своей прошедшей жизни, не будь сознанія этой духовной нищеты, сочти себя человѣкъ обеспеченнымъ со стороны нравственныхъ стяжаній,—покаяніе его не будетъ имѣть никакого смысла; оно будетъ лишь формой, подъ которой будетъ скрываться грубое самодовольство и самообольщеніе.—Но одного сознанія грѣховности своей предшествующей жизни недостаточно еще для истиннаго покаянія. Одно сознаніе числа и тяжести своихъ грѣховъ отзывается крайнимъ равнодушіемъ, холодною. Оно не можетъ возбуждающимъ образомъ вліять на грѣховную волю человѣка, потому что не соединяется съ сердечною склонностью, участіемъ,—не возбуждаетъ въ сердцѣ ни отвращенія отъ прежней грѣховной жизни, ни порывовъ къ перемѣнѣ своего грѣховнаго состоянія на лучшее—болѣе высокое, достойное.—Необходимо посему къ сознанію числа и тяжести своихъ грѣховъ еще глубокое сокрушеніе, плачь о нихъ до полнаго отвращенія къ нимъ.—Возьмемъ примѣръ отъ естественной нищеты. Не встрѣчаемъ ли мы иныхъ бѣдняковъ, которые, при видѣ своей нищеты, остаются къ ней весьма равнодушными, въ которыхъ сознаніе нищеты не производитъ никакого тяжелаго чувства? Не видимъ ли мы съ другой стороны бѣдняковъ, плачущихъ о своей бѣдности, сокрушающихся о своемъ тяжеломъ положеніи? Одинаковое ли впечатлѣніе они производятъ на насъ? Одинаковымъ ли взглядомъ мы смотримъ на нихъ? Нѣтъ. Если первое равнодушіе къ бѣдности не исходитъ изъ высшихъ—христіанскихъ или философскихъ взглядовъ—о необходимости стоять выше временныхъ нуждъ и не сокрушаться о нихъ, то мы вполне справедливо смотримъ на такихъ равнодушныхъ бѣдняковъ, какъ вполне безнадежныхъ людей; они всю жизнь, думаемъ мы, останутся тунеедцами, потому что у нихъ нѣтъ ни сокрушенія о своей бѣдности, ни желанія выйти изъ этого своего тяжелаго положенія.—Совѣмъ иное впечатлѣніе производитъ на насъ бѣднякъ, плачущій о своей бѣдности. Онъ кажется намъ не потеряннымъ человѣкомъ, потому что самый плачь его о своемъ положеніи служитъ для насъ залогомъ и ручательствомъ того, что человѣкъ этотъ, сознавая всю силу и тяжесть бѣдности, употребитъ средства, чтобы найти выходъ изъ своего тяжелаго положенія.—Приложимъ это къ нравственной жизни. Духовная печаль человѣка, его внутреннія терзанія при видѣ своей наготы и рубищъ своей души, служатъ вѣрнымъ залогомъ исправленія человѣка и вѣрнымъ ручательствомъ за то, что человѣкъ постарается добрыми дѣлами обогатить себя, прикрыть наготу души,—какъ поется въ церковной пѣсни Страстной седмицы: *Чертогъ твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имамъ, да вниду въ оны; просвѣти одѣяніе души моея, Святодавче, и спаси мя.*

Но не позаботится о нравственномъ исправленіи и обогащеніи тотъ, кто равнодушенъ къ своей духовной нищетѣ. Вотъ почему апостолы стараются внушить христіанамъ сознаніе необходимости этого плача, какъ самаго спасительнаго средства противъ грѣховнаго равнодушія, и самаго главнаго условія для христіанскаго нравственнаго развитія. *Сокрушайтесь, плачте и рыдайте*, говоритъ апостолъ, *смыль ваши да обратится въ плачь и радость въ печаль* (Іак. IV, 9).—Плачемъ,

искреннимъ сокрушеніемъ о своихъ грѣхахъ человекъ какъ бы внутренне погребаетъ ихъ; они становятся для него мертвыми. — Для завершения покаяннаго подвига необходима теперь только рѣшимость воли не возвращаться вновь къ погребеннымъ грѣхамъ, но начать новую богоугодную жизнь по заповѣдямъ Христовымъ. Если человекъ достигнетъ этого, укрѣпится на новоизбранномъ пути жизни, то онъ одержитъ полную побѣду надъ грѣхомъ и надеженъ будетъ для царствія Божія.

Такимъ образомъ въ христіанскомъ покаяніи, къ которому призываетъ насъ церковь въ дни великаго поста, мыслятся во 1-хъ сознаніе своей духовной нищеты, во 2-хъ глубокое сокрушеніе, плачь объ этой нищетѣ, и въ 3-хъ твердая рѣшимость не повторять прошедшихъ грѣховъ, но начать новую въ собственномъ смыслѣ христіанскую жизнь по заповѣдямъ Христовымъ. — Если мы глубже вникнемъ въ это покаяніе, какъ оно представляется съ самой первой его ступени, и кончая послѣдней—завершающей, почувствуемъ всю силу его, то замѣтимъ, что здѣсь происходитъ внутренняя драма души, — не мимолетная смѣна впечатлѣній и настроеній которая часто совершается въ нашей душѣ совершенно почти незамѣтно для насъ, — но глубокой нравственный переворотъ, смѣна жизни, отреченіе отъ прежнихъ грѣховныхъ обчаевъ и привычекъ и усвоеніе привычекъ добродѣтельной жизни. — Но легко ли это дается? Легко ли совершается этотъ внутренній переворотъ? Легко ли бываетъ отказаться отъ прежнихъ привычекъ и обычаевъ? Спросите объ этомъ людей, умудренныхъ своимъ собственнымъ опытомъ во внутренней борьбѣ съ страстями и пороками, — и они поразкажутъ вамъ, сколькихъ трудовъ стоитъ имъ эта борьба и послѣдующая побѣда, — повѣдаютъ о своихъ незримыхъ слезахъ и страданіяхъ, которыя имъ приходилось переживать во внутренней борьбѣ съ самими собою, съ своими злыми привычками и страстями. И замѣчательно, — чѣмъ выше, нравственнѣе человекъ, чѣмъ глубже проникается онъ христіанскими принципами жизни, — тѣмъ скромнѣе думаетъ онъ о себѣ и своихъ силахъ, тѣмъ сильнѣе онъ сознаетъ слабость своихъ силъ въ борьбѣ со грѣхомъ, свое несовершенство и грѣховность; — и это потому, что своими внутренними очами онъ видитъ лучше, чѣмъ мы внѣшними, что онъ, пріобрѣтши внутренній опытъ самоаблюденія и нравственную чуткость, легко услѣживается за всѣми движеніями своего духа и легко угадываетъ всѣ оттѣнки внутреннихъ душевныхъ явленій и ихъ нравственный характеръ. Для насъ, легко переходящихъ отъ одного поступка къ другому, отъ одной мысли къ другой, не задумывающихся серьезно ни предъ чѣмъ, — однимъ словомъ не живущихъ внутренней жизнью, — будетъ совсѣмъ непонятна глубокая внутренняя борьба подвижниковъ христіанской жизни. Для насъ даже нѣсколько странно представляется внутренняя исповѣдь извѣстныхъ святыхъ прославленныхъ своею жизнью (Іоаннъ Лѣстничникъ, Андрей Критскій). Откуда такое разнообразіе и многосложность грѣховъ, представляемыхъ иногда въ слишкомъ рѣзкой, неприкровенной формѣ, настолько неприкровенной, что оскорбляетъ даже наше затемненное нравственное сознаніе; а объясненіе — простое. Тѣ прославленные святые, какъ мы сказали выше, развили въ себѣ внутреннюю нравственную чуткость, — посему легко замѣчали и нелицемѣрно цѣнили всѣ даже мимолетныя движенія своего духа. А мы сообольщены потому, что притупили свой нравственный смыслъ и чуткость къ внутреннимъ движеніямъ своего духа и, не углубляясь далеко, но скользя по поверхности души, не замѣчаемъ всей пошлости и грязи, которая лежитъ въ глубинѣ

насъ, но равнодушно относимся ко всему — и къ религіознымъ вопросамъ и къ своимъ религіозно-нравственнымъ потребностямъ, — о которомъ равнодушіи говоритъ апостолъ: *знаю твою дѣла, ты ни холоденъ, ни горячъ; о, если бы ты былъ холоденъ или горячъ* (Апок. III, 15). — Отъ этого зависитъ то явленіе, что мы, увлекающіеся великой борьбой, гдѣ проявляется сила и ловкость человекъ, совсѣмъ оставляемъ въ пренебреженіи героевъ, борцовъ духа, не учимся у нихъ побѣждать во внутренней борьбѣ. — Привыкли все схватывать на лету, касаться всего слегка, чтобы слишкомъ не обременять себя ничѣмъ, мы также относимся и къ покаянію. Тотъ великій внутренній подвигъ покаянія, котораго требуетъ наша церковь въ дни великаго поста, — обращается у насъ въ простое «говѣнье». (Какой терминъ своеобразный, тѣмъ не менѣе вполне характеризующій наше легкое отношеніе къ покаянію). Въ нашемъ обычномъ пониманіи, говѣть — это значить нѣсколько часовъ въ избранную недѣлю — посвятить молитвѣ въ церкви, на нѣсколько дней оставить скоромную пищу и нѣсколько минутъ изъ обыденной жизни удѣлить на дѣло благочестія (и это еще въ лучшемъ случаѣ), — чтобы потомъ, по истеченіи говѣнья, снова возвратиться къ своимъ обычнымъ занятіямъ, при которыхъ настаетъ та же холодность къ церковной молитвѣ и лѣность къ домашней, опять скоромная пища, тѣ же влеченія къ удовольствіямъ, тѣ же страсти и пороки, которые и предшествовали говѣнью. Такимъ образомъ переходъ отъ покаянія къ грѣхамъ у насъ совершается такъ же естественно, какъ естественно совершается обыкновенная смѣна дня и ночи, — переходъ отъ тепла къ холоду и обратно. Что можетъ болѣе говорить о нашемъ легкомысліи, какъ не это отношеніе къ подвигу покаянія? Мы каемся, чтобы снова грѣшить, — вотъ что предполагается нашимъ покаяніемъ. — Приходитъ ли намъ когда-либо въ голову серьезно спросить себя, свою совѣсть: долго ли такъ пойдетъ наша жизнь? Въ томъ ли мы полагаемъ силу покаянія, какъ внутренняго подвига души, — и можно ли ожидать отъ такого покаянія какихъ либо спасительныхъ плодовъ? Грустно сознаться, что мы часто бываемъ самообольщены относительно своего покаянія, — потому что часто заглушаемъ въ себѣ внутренній голосъ совѣсти, возбуждающей насъ къ болѣе строгому внутреннему очищенію и покаянію, и, вмѣсто глубокаго сердечнаго сокрушенія о своемъ недостойнствѣ и нравственномъ ничтожествѣ, стараемся еще увѣрить себя, что мы поступаемъ въ данномъ случаѣ вполне похвально и можемъ быть довольны, — такъ какъ есть другіе люди, которые нѣсколько лѣтъ сряду не говѣютъ, — говорятъ нашъ извращенный духъ, самообольщенный своей праведностью. Намъ и въ голову никогда не приходитъ подумать, — не надобно ли совсѣмъ оставить любимыя привычки, искоренить тѣ или другія страсти. — Такимъ образомъ то истинное покаяніе, свойства котораго, какъ спасительнаго подвига, раскрыли мы выше, которое состоитъ въ оставленіи грѣха и перемѣнѣ жизни грѣховной на святую, богоугодную, — то покаяніе, говоримъ, — обращается у насъ, правда, въ легкую форму, разрѣшается нѣсколькими часами молитвы въ церкви, да и то не всегда благоговѣйной и усердной, — но за то оно и не надежно для спасенія.

Церковь смотритъ на дѣло покаянія совершенно иначе. Она исходитъ изъ вѣрныхъ психологическихъ основаній, и потому ея уставы и установленія гораздо ближе къ цѣли истиннаго покаянія. — гораздо больше обезпечиваютъ успѣхъ покаяннаго подвига, но за то и много предполагаютъ трудовъ тѣлесныхъ, но еще больше внутреннихъ, духовныхъ. — Люди, положившіе

основаіе церковнымъ уставамъ и молитвамъ покаяннаго времени, были большею частью умудренныя опытомъ внутренней жизни, прославились, правда, своею побѣдой надъ грѣховными страстями и пороками,—но только послѣ долгой упорной борьбы съ ними.—На себѣ самихъ они познали, какъ силенъ грѣхъ надъ человѣкомъ; опытно познали, что легче грѣшить, чѣмъ каяться, чаще бываетъ паденіе, но рѣже возстаніе,—что нужна большая нравственная стойкость и духовная осмотрительность, чтобы, и начавши съ великимъ усердіемъ подвигъ покаянія, опять не оставить его и не возвратиться на путь грѣха еще съ большимъ къ нему влеченіемъ,—такъ какъ грѣшный міръ весьма обольстителенъ для человѣка, удовольствія его заманчивы и дѣйствія діавола весьма хитры. Свой внутренний опытъ, исповѣдь своей покаянной души святыя преподали намъ въ умилительно-трогательныхъ молитвахъ и пѣнопѣніяхъ, которыя передаютъ намъ глубоко-искреннія чувства грѣховной души, плачущей и глубоко сокрушенной о своихъ великихъ прегрѣшеніяхъ и о своей духовной нищетѣ.

Сознавая всю силу грѣховнаго начала въ человѣкѣ, всю силу козней діавола, который въ весьма обольстительномъ свѣтѣ выставляетъ удовольствія міра и плоти,—церковь руководитъ своихъ чадъ въ предстоящемъ имъ подвигѣ покаянія указанными внутренними опытами святыхъ, ихъ глубоко-трогательными пѣснопѣніями и молитвами. Ихъ исповѣдь, свободно и искренне вылившаяся изъ глубины кающейся души и сокрушеннаго сердца предлагается и намъ церковью для возбужденія подобнаго же покаяннаго настроенія.—Обозрите своимъ внутреннимъ взоромъ всю дѣятельность церкви, какъ руководительницы своихъ чадъ къ покаянію, отъ начала приготовленія къ посту до Пасхи, и вы замѣтите ея постепенность, основанную на глубококомъ психологическомъ знаніи внутренняго состоянія грѣховнаго человѣка, замѣтите, что церковь поступаетъ въ данномъ случаѣ поистинѣ какъ чадолюбивая мать, которая любовно и съ великой осторожностью приучаетъ дитя свое дѣлать первые самостоятельные шаги. Не то же ли дѣлаетъ и церковь, когда постепенно вводитъ насъ въ дни великаго покаяннаго времени, чтобы самый переходъ къ нему послѣ нашей суетной, мірской жизни не показался для насъ слишкомъ рѣзкимъ и потому труднымъ? Посмотрите, какъ она, не касаясь еще внѣшней жизни, не налагая на нее ограничивающей, сдерживающей узды,—вводитъ чрезъ свои нѣкоторыя пѣснопѣнія и молитвы—во внутреннее сознание своихъ чадъ—новую струю,—старается возбудить въ нихъ новыя для нихъ мысли и чувства, которыя напоминали бы, примиряли ихъ съ предстоящимъ покаяніемъ и готовяли бы къ нему.—Чѣмъ дальше, тѣмъ больше и больше церковь вводитъ въ сознание своихъ чадъ этотъ покаянный мотивъ, такимъ образомъ постепенно отвлекая ихъ отъ ихъ будничной жизни и суетныхъ заботъ о мірскомъ и возбуждая въ нихъ внутреннее самоуглубленіе и тѣмъ подготавливая ихъ къ внутреннему покаянному подвигу, къ печали о своихъ грѣхахъ и твердому намѣренію исправиться и начать новую богоугодную жизнь.—Самый же многотрудный и продолжительный подвигъ поста и покаянія церковь сопровождаетъ и самыми попечительными заботами о своихъ чадахъ, съ каждой недѣлей, едва не съ каждымъ днемъ связывая какое либо воспоминаніе, которое могло бы поддержать духовныя силы чадъ Христовыхъ—къ продолженію начатаго покаяннаго подвига, возбудить въ нихъ еще большую духовную энергію для восхожденія на высшія ступени нравственнаго совершенства, очистить, возвысить, примирить ихъ

съ Богомъ, чтобы они могли достойно встрѣтить великій праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія.—Обозрите всю эту дѣятельность церкви, какъ руководительницу своихъ чадъ въ покаяніи,—и вы увидите, что здѣсь представленъ одинъ цѣлый покаянный путь, вступивъ на который и потомъ шествуя по нему, христіанинъ и даже изъ глубоко падшихъ могъ бы опять возродиться къ благодатной жизни, оставивъ окончательно путь порока,—порвавъ всякую связь со грѣхомъ.

Но такъ ли мы смотримъ на церковь и на ея дѣятельность? Дѣйствительно ли, видимъ мы въ ней чадолюбивую мать и лучшую руководительницу? Слушаемся ли ея голоса? Братіе христіане! Спросите предварительно свою собственную совѣсть, чтобы потомъ чистосердечно отвѣтить. Если мы не захотимъ обманывать себя и другихъ, то должны будемъ сказать, что церковь—въ небреженіи у насъ, по крайней мѣрѣ не пользуется такимъ глубокимъ уваженіемъ, какого поистинѣ заслуживаетъ. Не ошибемся, если скажемъ, что мы, если не равнодушны къ ней, то горделиво снисходительны. Это снисхожденіе, которое слѣдуетъ назвать для насъ самихъ позорнымъ, далеко отъ искренней глубокой привязанности къ церкви. Мы смотримъ на церковь съ ея теперешними уставами и порядками, правда, какъ на хорошее само по себѣ (по существу) учрежденіе, но уже отжившее по крайней мѣрѣ въ тѣхъ формахъ, въ какихъ она существовала до сихъ поръ и существуетъ теперь,—думаемъ, что она не удовлетворяетъ запросамъ времени, не соотвѣтствуетъ его духу; отсюда застой ея жизни, въ противоположность вездѣ замѣчаемому прогрессу.—Дѣйствительно, мы должны сознаться, что жизнь и церковь у насъ далеко разошлись въ разныя стороны,—жизнь пошла по новому направленію и идетъ согласно съ измѣняющимся духомъ времени; церковь живетъ многовѣковой традиціей своей прошедшей жизни.—Гдѣ правда? Куда склониться намъ? Къ многошумящему ли духу времени, который презрительно относится къ церкви? Или склониться къ традиціонному духу церкви?—Не все, что ново, то и хорошо,—и не все старое—худо. Стоитъ ли церкви гнаться во слѣдъ новаго духа времени? Всякое начало, которое не обладаетъ устойчивостью, измѣнчивое, непостоянное (а таковъ именно и есть духъ времени) не можетъ привлекать къ себѣ никого изъ здравомыслящихъ людей.—Полагая истину въ быстро мѣняющемся началѣ, мы чрезъ то теряемъ самый критерій истины, возвращаемся опять къ древней текучести вещей.—Вотъ что во 1-хъ можно замѣтить противъ выдвигаемаго на видъ духа времени, какъ критерія истины и руководства въ общественныхъ и церковныхъ отношеніяхъ и уставахъ.—Потомъ, въ самомъ заявляемомъ требованіи, чтобы церковь шла на ряду съ духомъ времени и удовлетворяла бы его измѣнчивымъ запросамъ, тайно дается знать, что церковь и духъ времени это равноцѣнные начала, т. е. предполагается отрицаніе божественнаго характера христіанской церкви и высшаго значенія церкви.—Вотъ въ чемъ сущность и главная причина разногласій между церковью и жизнью.—Сами мы виновны въ томъ, что низвели церковь на степень низшаго учрежденія, которое должно быть постоянно преобразуемо, согласно съ прогрессирующимъ развитіемъ человѣчества; а низвели мы церковь потому, что въ церкви, ея уставахъ и учрежденіяхъ разучились понимать духъ, внутреннее содержаніе,—обратили вниманіе на букву, внѣшность и, не углубляясь дальше этой буквы и внѣшнихъ формъ, увидѣли въ церкви только мертвыя формы и отжившее содержаніе,—позабывъ апостольское изреченіе, что *буква убиваетъ, а духъ живо-*

творитъ (2 Кор. III, 6). За примѣромъ для доказательства этого недалеко ходить. Возьмемъ указанную выше дѣятельность церкви—по приготовленію и руководству своихъ чадъ въ покаянномъ подвигѣ поста. Кто изъ насъ глубоко сознаетъ и чувствуетъ тотъ духъ, которымъ руководится церковь въ данномъ случаѣ? Кто изъ насъ въ недѣлю Мытаря и Фарисея, блуднаго сына и др. серьезно думаетъ о томъ, что, вспоминая эти приточныя событія, церковь имѣетъ въ виду, отвлекая чадъ своихъ отъ житейскихъ суетныхъ заботъ, постепенно вводитъ ихъ въ дни великаго покаяннаго времени? Кто изъ насъ отзывается на эти призывы къ приготовленію искреннимъ благороднымъ порывомъ души? Потому, кто изъ насъ въ недѣлю крестопоклонную настолько проникается взглядами церкви, что въ обычай изнесенія креста для поклоненія вѣрующимъ,—дѣйствительно, видитъ и сердцемъ чувствуетъ подкрѣпленіе въ подвигѣ поста? Можно бы представить и много другихъ много знаменательныхъ обычаевъ и установленій, имѣющихъ свой глубокий смыслъ, которыя церковь вводитъ въ дни великаго покаяннаго времени (напр. чествованіе памяти Іоанна Лѣтвичника и пр. Маріи Египетской въ четвертую и пятую недѣли поста).—Для большей части изъ насъ эти обычаи и уставы церкви кажутся малопонятными, а для иныхъ—и прямо не имѣющими смысла, отжившими.—Скажите откровенно: въ самомъ ли дѣлѣ эти установленія церковныя—безсмысленныя и отжившія? Или же они только кажутся таковыми для лицъ, потерявшихъ способность къ ихъ пониманію? Последнее, кажется, вѣрнѣе.—Такимъ образомъ не церкви нужно гнаться за духомъ времени, но самый духъ времени нужно обратить къ церкви, нужно, чтобы люди, выставляющіе духъ времени въ руководство церкви, не нападая на нее, не упрекая ее въ отсталости, постарались осмыслить внѣшнія формы церковной жизни и церковныхъ установленій и проникнуть въ самый духъ ихъ, такъ какъ только духъ животворитъ,—а буква убиваетъ.—Обратитесь же, братіе, къ церкви, которою вы прежде пренебрегали! Какъ заблудшіе сыны, вернитесь опять въ лоно своей любящей матери,—проникнитесь глубокимъ уваженіемъ къ ней, котораго она вполне заслуживаетъ своими попечительными заботами о своихъ чадахъ; постарайтесь оставить и навсегда свое недовѣріе къ ней. Въ дни великаго покаяннаго времени начните свое покаяніе съ церкви,—предъ ней покайтесь въ своихъ прежнихъ грѣхахъ противъ нея, грѣхахъ недвѣрія, неуваженія и даже пренебреженія къ ней. Пусть въ этомъ покаяніи будетъ все, что должно быть, какъ мы показали прежде, въ истинномъ христіанскомъ покаяніи:—сознаніе своихъ прежнихъ грѣховъ, плачь о нихъ и твердое намѣреніе не возвращаться опять къ нимъ, но начать новую богоугодную жизнь по заповѣдямъ Христовымъ, въ союзѣ съ церковью и подъ ея попечительнымъ руководствомъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Уроки и примѣры христіанской вѣры. Второе пересмотрѣнное и значительно дополненное изданіе сост. священникъ Г. Дьяченко. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою 1 р. 80 к.

Книга, заглавіе которой мы выписали, представляетъ собою систематическій сборникъ святоотеческихъ изреченій, краткихъ церковно-историческихъ повѣствованій, рассказовъ о замѣчательныхъ событіяхъ въ жизни св. угодниковъ Божіихъ и статей духовнаго содержанія. Матеріалъ этотъ расположенъ по

плану первой части «пространнаго христіанскаго катихизиса», съ цѣлью обстоятельно разъяснить вѣроученіе христіанское въ томъ объемѣ, въ какомъ излагается оно въ православномъ катихизисѣ. Разсматриваемый сборникъ есть опытъ катихизической христоматіи. Трудъ о. Дьяченко обладаетъ очень многими и очень крупными достоинствами.

1. Онъ отличается замѣчательною полнотою содержанія. Въ немъ даны статьи, подробно и всесторонне объясняющія всѣ двѣнадцать членовъ Символа вѣры. Сверхъ того онъ предлагаетъ обстоятельное разъясненіе предварительныхъ катихизическихъ понятій, каковы: религія, вѣра, завѣтъ, догматъ, заповѣдь, откровеніе; сообщаетъ о священномъ преданіи, священномъ писаніи, о вселенскихъ соборахъ, и т. д. О полнотѣ сборника о. Дьяченко, обилии заключающагося въ немъ матеріала наглядно свидѣтельствуетъ его объемъ: онъ напечатанъ убористымъ (но четкимъ) шрифтомъ на 688 страницахъ, т. е. на 43 листахъ большаго формата.

2. Обильный матеріалъ сборника очень разнообразенъ. Онъ даетъ отвѣты не только на главные и существенные вопросы, прямо вытекающіе изъ вѣроученія, излагаемаго въ Символѣ вѣры, но и на вопросы второстепенные, къ существу дѣла прямо не относящіеся, однако такіе, которые естественно могутъ возникнуть въ умѣ всякаго православнаго, желающаго основательно и сознательно усвоить и изучить вѣроученіе христіанское.

3. Обильный и разнообразный матеріалъ сборника взять изъ лучшихъ произведеній русской и богословской и вообще духовной литературы и изъ твореній отцовъ и учителей церкви и св. подвижниковъ. Но и изъ этихъ сокровищъ составитель старался извлечь то, что заключается въ нихъ наиболѣе выдающагося и образцоваго.

Чтобы подтвердить справедливость сказаннаго, достаточно разсмотрѣть одинъ какой либо отдѣлъ сборника. Возьмемъ не обширный сравнительно отдѣлъ, объясняющій четвертый членъ Символа вѣры: (вѣрую въ Господа Іисуса Христа) распятаго же за ны при Понтійстѣмъ Пилатѣ, и страдавша, и погребенна. Отдѣлъ состоитъ изъ 35 статей, занимающихъ 51 страницу. О разнообразіи статей говорятъ слѣдующіе заголовки нѣкоторыхъ изъ нихъ: *изъ чего видно, что І. Христосъ исшелъ на смерть добровольно? Отчею І. Христа, святѣйшаго святыхъ, ненавидѣли многіе изъ іудеевъ? Исторія распятія Господа нашего І. Христа, объясненная св. отцами и учителями церкви; въ страданіяхъ І. Христа принимало участіе только чело-вѣческое естество Его, а не Божеское, чуждое страданій; правило 73 святого вселенскаго 6-го собора о почитаніи креста; опроверженіе ложнаго мнѣнія раскольниковъ о томъ, будто четвероконечный крестъ не есть истинный крестъ Христовъ и будто, по сему, его не слѣдуетъ почитать; святоотеческія изреченія о крестномъ знаменіи; Понтій Пилатъ; гора Голгоа; условія необходимыя для усвоенія заслугъ Христовыхъ; и т. д.* А вотъ перечень книгъ, изъ которыхъ извлечены статьи занимающаго насъ отдѣла: Творенія Исидора Пелусіота; св. Макарія Египетскаго бес. 15; творенія бл. Августина; Догматическое Богословіе митр. Макарія; начертаніе христ. нравоученія еп. Теофана; Евангельская Исторія о Богѣ Словѣ прот. Матвѣевскаго; проповѣди арх. Иннокентія и проч.

Не излишне замѣтить, что составитель сборника не ограничился лишь извлеченіемъ матеріала изъ книгъ, находящихся у него подъ руками. Многое составлено имъ самимъ. Принадлежачія ему статьи представляютъ или сокращенное изложеніе

статей обширныхъ или же переработку нѣсколькихъ статей, помѣщенныхъ въ различныхъ книгахъ. Кромѣ того составителю принадлежатъ пояснительныя подстрочныя примѣчанія, иногда довольно обширныя.

Книга о. Дьяченко можетъ быть очень полезна прежде всего для законоучителей низшихъ школъ и среднихъ учебныхъ заведеній при преподаваніи катихизиса. Съ помощью одной этой книги можно сдѣлать каждый урокъ содержательнымъ и интереснымъ. А главное эта книга въ состояніи избавить во многихъ случаяхъ отъ труда прискивать матеріалъ для урока въ различныхъ книгахъ, дѣлать выборку изъ присканнаго, обдумывать, объединять найденное. Для этого нужно имѣть въ распоряженіи немало книгъ и не мало свободного времени. Но для очень многихъ законоучителей сельскихъ школъ даже скромная бібліотека — недоступное благо. Что касается времени, то законоучители и среднихъ и низшихъ школъ, и городскіе и сельскіе очень нерѣдко переживаютъ такіе дни, когда у нихъ не остается и получаса свободного отъ исполненія другихъ прямыхъ обязанностей, то пастырскихъ, то служебно-официальныхъ, не говоря уже о постоянныхъ и неотступныхъ заботахъ житейскихъ, или точнѣе о заботахъ касающихся насущнаго пропитанія и приличнаго содержанія семьи; вѣдь и эти заботы требуютъ времени; и кто скажетъ, что такое требованіе незаконно и не подлежитъ удовлетворенію. — Очень полезною представляется разбираемая книга и для пастырей-проповѣдниковъ при составленіи церковныхъ поученій. Здѣсь пастырь-проповѣдникъ, желающій раскрыть предъ своими слушателями тотъ или другой пунктъ христіанскаго вѣроученія, или предложить вниманію паствы рядъ катихизическихъ поученій догматическаго содержанія, всегда найдетъ подходящую тему, встрѣтитъ немало цѣнныхъ мыслей, которыя послужатъ къ раскрытію избранной темы, тексты Священнаго Писанія, святоотеческія изреченія и наконецъ примѣры изъ жизни святыхъ, подтверждающіе справедливость этихъ мыслей. Кромѣ того въ книгѣ находится много такихъ статей, изъ которыхъ каждая, послѣ самой легкой переработки, можетъ быть предложена вниманію слушателей, какъ очень назидательное поученіе. Но все это, повторимъ опять, должно содѣйствовать облегченію труда и сбереженію времени, — что можетъ быть названо истиннымъ благодѣяніемъ для чловѣка, обязаннаго много и постоянно трудиться.

Вообще о. Дьяченко усердно поработалъ надъ вторымъ изданіемъ своего сборника и не напрасно: книга, составленная имъ, положительно хорошая книга.

Священникъ Николай Елеонскій.

Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, преимущественно византійскихъ и русскихъ.

Сочиненіе это, написанное Н. Покровскимъ и изданное Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, имѣетъ своею задачею церковно-археологическое изясненіе изображеній, относящихся къ евангельской исторіи, преимущественно византійскихъ и русскихъ, и основано на многолѣтнихъ занятіяхъ, какъ литературою предмета, такъ, въ особенности самими памятниками древне-христіанской археологіи въ Россіи, Греціи, Турціи и Западной Европѣ. Сочиненіе это, снабженное 226 рисунками въ текстѣ и 12-ю таблицами и заключающее въ себѣ LXI+406 страницъ въ четвертку, состоитъ изъ обширнаго введенія, предлагающаго между прочимъ подробный перечень источни-

ковъ, и самаго изслѣдованія, которое раздѣляется на слѣдующіе отдѣлы: 1) иконографія дѣтства Іисуса Христа, 2) общественное служеніе Іисуса Христа въ памятникахъ иконографіи и 3) конечныя событія евангельской исторіи въ памятникахъ иконографіи. Трудъ этотъ, имѣющій важное церковно-археологическое значеніе, по самому предмету обследованныхъ въ немъ памятниковъ не лишень своего интереса и для біблеистовъ.

Исторія Казанской Духовной Академіи за первый (дореформенный) періодъ ея существованія (1842—1870 года)

И. Знаменскаго. Выпускъ I. Казань. 1891 г.

Осенью настоящаго года исполнится пятидесятилѣтіе со времени открытія Казанской Духовной Академіи; въ виду этого какъ нельзя болѣе благовременнымъ является означенное сочиненіе. Но оно и помимо этого имѣетъ глубокой интересъ и важное значеніе и само по себѣ, сколько по самому предмету своему, касающемуся исторіи нашего духовнаго просвѣщенія въ текущемъ столѣтіи, столько и по той постановкѣ дѣла, съ какой мы встрѣчаемся въ книгѣ г. Знаменскаго. Исторія его, основанная на канцелярскихъ документальныхъ данныхъ отличается замѣчательною живостію и жизненностію своего изложенія, что вполне объясняется тѣмъ, что сухія канцелярскія данныя авторъ имѣетъ лишь въ основѣ своего разсказа, который ведется имъ по живымъ воспоминаніямъ лицъ такъ или иначе соприкосновенныхъ съ описываемою имъ эпохою и еще болѣе по личнымъ воспоминаніямъ, какъ профессора Казанской Академіи съ 1856 г. Въ настоящее время вышелъ только еще первый выпускъ, посвященный, послѣ разсказа объ основаніи Казанской Академіи, обзорнѣю административной дѣятельности въ ней; да предполагается еще два выпуска, изъ коихъ второй будетъ объ учебной сторонѣ академической жизни, а третій объ экономической и нравственной — словомъ бытовой. Настоящій выпускъ заключаетъ въ себѣ 380 страницъ убористой печати; если такіе же по объему своему будутъ и слѣдующіе выпуски, то это будетъ громаднѣйшее сочиненіе и судя по содержанію 1-го выпуска — капитальнѣйшее. Свое обзорнѣю административной жизни академіи авторъ раздѣляетъ на три главы, изъ коихъ въ первой говоритъ о внутреннемъ управленіи академіи, во второй — объ академической конференціи и въ третьей — объ внѣшнемъ или окружномъ правленіи. Самая большая глава первая, представляющая собою подробнѣйшую и обстоятельнѣйшую характеристику всѣхъ административныхъ дѣятелей академіи, начиная съ ректора и кончая послѣдними писцами въ порядкѣ времени ихъ служенія. Цѣлый рядъ самыхъ живыхъ и интересныхъ страницъ читатель найдетъ здѣсь о такихъ извѣстныхъ всей Россіи духовныхъ дѣятеляхъ, какъ Агаѳангелъ, еп. Волынской, Григорій митр. Петербургскій, Іоаннъ, еп. Смоленскій, Никаноръ, архіеп. Херсонскій, бывшіе ректорами Казанской академіи, Серафимъ, еп. Воронежскій, арх. Θεодоръ (Бухаревъ) — инспекторы академіи и др. Не мало интереснаго представляютъ собою тѣ страницы, гдѣ авторъ говоритъ напр. о редакціи Православнаго Собесѣдника, или разсказываетъ извѣтную Шаповскую исторію относительно участія студентовъ въ служеніи панихиды по Буднискимъ крестьянамъ. Не лишены своего значенія и интереса и послѣднія двѣ главы, посвященныя обзорнѣю дѣятельности акад. конференціи окружнаго правленія. Любопытныя свѣдѣнія сообщаетъ авторъ объ отношеніи академическаго правленія къ духовнымъ семинаріямъ. Мы имѣемъ уже исторіи другихъ ду-

ховныхъ академій; но не въ осужденіе ихъ, мы должны все-таки сказать, что исторія Казанской дух. академіи, написанная г. Знаменскимъ по обстоятельности и художественной живости изложенія своего содержанія оставляетъ всѣ ихъ далеко позади себя. Она вся отъ начала до конца читается съ неослабвающимъ интересомъ и не казанцемъ.

Общедоступное объясненіе перваго посланія св. ап. Павла къ Коринѳянамъ. Составилъ еп. Никаноръ. Выпускъ VII. Казань. 1892 г. Цѣна 50 к.

На страницахъ нашей газеты въ свое время сообщены были свѣдѣнія о первыхъ шести выпускахъ, истолковательныхъ трудовъ еп. Никанора, обнимавшихъ собою соборныя посланія и посланіе ап. Павла къ Римлянамъ. Настоящій выпускъ, заключающій въ себѣ общедоступное объясненіе 1-го посланія св. ап. Павла къ Коринѳянамъ и по объему своему и по характеру изложенія совершенно такой же, какъ и предыдущія. Послѣ краткаго введенія, въ которомъ авторъ сообщаетъ небольшія свѣдѣнія объ основаніи Коринѳской церкви, обстоятельствахъ написанія 1-го посланія, его содержанія и церковномъ употребленіи, предлагается самое объясненіе; вверху имъ напечатанъ самый текстъ посланія—по славянски и руски, а внизу—подъ чертой въ формѣ подстрочныхъ примѣчаній объясненіе его, составленное преимущественно на основаніи и даже нерѣдко словами св. Іоанна Златоуста, еп. Теофана и др. Объясненіе это касается далеко не всѣхъ непонятныхъ мѣстъ и изреченій, а преимущественно главныхъ мыслей посланія. Одно желаніе мы высказали бы, чтобы авторъ предъ началомъ отдѣльныхъ главъ или по крайней мѣрѣ главныхъ отдѣловъ посланія указывалъ общее ихъ содержаніе въ родѣ того, какъ есть это въ толкованіяхъ еп. Михаила; это еще больше облегчило бы большинству читателей пониманіе содержанія посланій.

ЗАМѢТКИ И СООБЩЕНІЯ О ПЕЧАТИ.

НЕНОРМАЛЬНЫЯ ЯВЛЕНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ ВОСПИТАНІЯ.

(«Русская Школа» и «Вѣстникъ Воспитанія» 1891 г.).

II

Итакъ изъ предшествующихъ разсужденій мы должны видѣть, что безпринципность въ дѣлѣ воспитанія, будучи и сама по себѣ уже болѣзнь, порождаетъ другія болѣзненныя условія воспитанія, характеризующія собою то подчиненіе родителей вѣншимъ вліяніямъ духа времени, то незнаніе основныхъ правилъ педагогическаго дѣла, то халатность и пренебреженіе всякими такими правилами и предоставленіе всего дѣла воспитанія случайнымъ обстоятельствамъ. Такія ненормальныя условія семейнаго воспитанія естественно должны сопровождаться и соответствующими результатами.

И прежде всего ограниченіе цѣлей воспитанія запросами и вѣнціями духа времени создаетъ въ семьѣ смертную, удушливую атмосферу узко-эгоистическихъ вождѣльній. Родители стремятся пустить дѣтей своихъ по такой стезѣ, которая обезпечивала бы имъ успѣхъ въ жизни, богатство и почетъ въ области людскихъ мнѣній. А такъ какъ достиженіе этихъ благополучій въ жизни большею частію зависитъ отъ приспособленія и угодливаго служенія предъ богатыми, знатными и сильными міра сего,

и такъ какъ требованія и желанія этихъ послѣднихъ нерѣдко не согласуются съ дѣйствительными требованіями нравственнаго долга, честности и справедливости, то родители, очевидно, припуждены прежде всего вѣдрять своимъ дѣтямъ не требованія нравственности, но умѣнье сообразоваться съ желаніями и требованіями мірской суеты. Такимъ образомъ дѣти съ молокомъ матери обучаются наукѣ жизни, не въ смыслѣ исполненія требованій нравственнаго закона, а въ смыслѣ угодливаго служенія міру съ цѣлю завоеванія въ немъ выгоды во всѣхъ отношеніяхъ положенія. Что же касается правилъ христіанской морали, то очевидно, что при такомъ направленіи семейнаго воспитанія они остаются мертвымъ капиталомъ, чѣмъ-то отвлеченнымъ, не имѣющимъ никакого приложенія къ жизни, но уже никакъ не руководящимъ началомъ дѣятельности. Вотъ между прочимъ гдѣ скрывается корень того соціальнаго зла, той общей, охватившей всѣ слои общества, болѣзни, которая характеризуется нынѣ оскудѣніемъ идеаловъ и господствомъ узкаго эгоизма. Нынѣ уже и молодежь, вопреки обычнымъ свойствамъ юношескаго возраста, чужда благородныхъ, идеальныхъ стремленій и не безъ основанія хвалится своимъ практицизмомъ. Нерѣдко даже подъ прикрытіемъ возвышенныхъ, широкихъ цѣлей нынѣ молодые люди, наперекоръ часто своимъ внутреннимъ расположеніямъ, стремятся завоевать себѣ тепленькое мѣстечко, правыми и неправыми путями добиваются такихъ преимуществъ, на которыя по своимъ способностямъ и нравственнымъ расположеніямъ не въ правѣ были бы и рассчитывать. Дальнѣйшія слѣдствія такого порядка вещей—измельчаніе личности, неспособность ея на какіе-либо подвиги, особенно если послѣдніе соединены съ нѣкоторымъ самопожертвованіемъ. Нынѣ всѣ стремятся, какъ бы поживиться на чужой счетъ, захватить себѣ лакомый кусокъ съ наименьшей затратой собственныхъ усилій. Такovy плоды воспитанія, построеннаго на началахъ угожденія вѣнціямъ духа времени, раболопно служащаго преданіямъ чловѣческимъ, стихіямъ міра, а не Христу (Кол. 2, 8), соображающагося вѣку сему, но не обновляющагося духомъ христіанскаго вѣдѣнія, во еже искушати... что есть воля Божія, благая и угодная и совершенная (Римл. 12, 2). И не проявляются ли въ современной общественной жизни и частныхъ людскихъ отношеніяхъ слѣды того гнѣва Божія, который, по слову ап. Павла, открывается на всякое нечестіе и неправду чловѣковъ, содержащихъ истину въ неправдѣ (Римл. 1, 18—32)? Не предастъ ли Господь и сыновъ вѣка Сего въ неискусень умъ творити не подобная?

Отчасти отсюда, отчасти отъ иныхъ причинъ вытекаетъ другая ненормальность въ дѣлѣ воспитанія—непривычка родителей и воспитателей считаться съ индивидуальными свойствами ребенка. Всякій воспитатель большею частію стремится образовать своего питомца по составленному имъ, привычному шаблону; поэтому берется во вниманіе не то, на что указываетъ природа самого ребенка, но что считаетъ нужнымъ видѣть въ немъ воспитатель. Такъ, военный чловѣкъ стремится образовать изъ своего сына война, штатскій—чиновника, профессоръ—ученаго, купецъ желаетъ пустить его по коммерческой части, духовный расположенъ видѣть въ своемъ сынѣ протоіерея или архіерея и т. д.

Не скажемъ мы, чтобы это всегда такъ было,—нерѣдко можно видѣть родителей, которые клянутъ свое званіе и вовсе не расположены готовить къ нему своихъ дѣтей,—но что это случается такъ нерѣдко, что можно возвести въ общее правило,—въ этомъ думается не будетъ преувеличенія. Печальныя послѣд-

ствія такого порядка неизбѣжны. Конечно, природа человѣчская бываетъ иногда такъ податлива на всякаго рода воздѣйствія, что къ ней можно привить и способности, вовсе не вытекающія изъ ея первоначальнаго склада и потому совершенно ей чуждыя; но вопросъ заключается въ томъ, — позволителенъ ли такой порядокъ съ точки зрѣнія здравой педагогикѣ, и всегда ли онъ благополучно кончается для воспитанника. На это не можетъ уже быть утвердительнаго отвѣта. Прежде всего, такой порядокъ ведетъ къ коверканью и искаженію истинной природы ребенка, къ ослабленію и часто къ положительному подавленію дѣйствительныхъ въ немъ расположеній и способностей. Чуждыя же природѣ ребенка способности, которыя стараются привить ему, — какъ бы, повидимому, ни шло успѣшно ихъ развитіе, — никогда не дадутъ такихъ блестящихъ результатовъ, какихъ обыкновенно достигаютъ, когда воспитатели случайно или намѣренно нападутъ на дѣйствительныя, присущія душѣ ребенка внутреннія его добрыя расположенія и наклонности и стараются дать имъ правильный ходъ и развитіе. Разумѣется, въ этомъ послѣднемъ случаѣ отъ воспитателей требуется больше усилій, наблюдательности, проницательности и умѣнья прозрѣть и распознать въ малюткѣ свойственный его природѣ будущій родъ и образъ его дѣятельности; но вѣдь это и составляетъ настоящій долгъ родителей и воспитателей, которые должны имѣть въ виду одну главную и существенную цѣль своихъ заботъ — видѣть въ своихъ дѣтяхъ истинно добрыхъ, честныхъ и полезныхъ дѣятелей для общества и государства. А между тѣмъ, благодаря этой только одной привычкѣ — пускать дѣтей по пути, излюбленному самими родителями и воспитателями, а не основанному на наблюденіи и изученіи индивидуальныхъ свойствъ дѣтской природы, и благодаря происходящему вслѣдствіе этого калѣченію послѣдней, сколько на разныхъ поприщахъ является людей бездарныхъ, ничтожныхъ, которые и для самихъ себя составляютъ бремя, и для общества оказываются тяжелымъ грузомъ, а нерѣдко даже и положительнымъ зломъ, если, вслѣдствіе какихъ либо счастливыхъ обстоятельствъ они займутъ властное общественное положеніе. Въ послѣднемъ случаѣ они составляютъ истинное несчастье для общества, особенно когда съ умственнымъ убожествомъ въ нихъ соединяется упорство и злонаправленіе характера. И наоборотъ, сколько выиграло бы государство, если бы каждый занималъ въ немъ мѣсто, соответствующее его умственнымъ способностямъ и согласное съ его внутренними расположеніями и влеченіями.

Указанные нами въ предшествующей главѣ крайніе воспитательные приемы, — съ одной стороны часто практикуемая родителями излишняя строгость, съ другой — еще чаще встрѣчающаяся въ послѣднее время излишняя гуманность, — также сопровождается своего рода болѣзненными послѣдствіями. Излишняя строгость въ однихъ случаяхъ дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ на самочувствіе ребенка и подавляетъ въ немъ всякую самодѣятельность. Его постоянно преслѣдуетъ мысль — какъ бы не подвергнуться за что-нибудь ужасамъ разнаго рода наказаній; поэтому онъ ежеминутно всего боится, постоянно опасаясь, что родительская строгость можетъ разразиться самымъ чувствительнымъ для него образомъ. Понятно, такое забитое, придавленное состояніе духа препятствуетъ его свободному, внутреннему развитію: оно лишаетъ ребенка собственной его инициативы и расположенія къ самодѣятельности; поэтому онъ является рабомъ только чужой воли, которую онъ спѣшитъ исполнить безпрекословно и точно, не задумываясь надъ тѣмъ, — добрая или злая воля управляетъ имъ, нравственно или без-

нравственно данное ему приказаніе. Рабскія чувства, воспитанныя въ человѣкѣ съ дѣтства, сдѣлаютъ изъ него и въ общественной дѣятельности раба, играющаго въ ней роль безжизненнаго матеріала, лишенаго творческой самодѣятельности, которая составляетъ преимущественную особенность человѣческой личности. Въ отношеніи физическомъ такіе люди наживаютъ себѣ разнаго рода нервныя болѣзни. — Но въ другихъ случаяхъ родительскій деспотизмъ сталкивается не съ столь мягкой и податливой дѣтской натурой, которая, обладая нерѣдко значительною психическою упругостію и увертливостію, сумѣетъ обойти суровый педагогическій режимъ и удовлетворить своимъ влеченіямъ. Такъ развивается въ ребенкѣ скрытность, двоедушіе, неискренность. Ребенокъ привыкаетъ жить двойною жизнью — показною — для своихъ строгихъ родителей и воспитателей, и собственной интимною — для самого себя, когда онъ даетъ просторъ и свободу своимъ, затаеннымъ на время, желаніямъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ одинъ уже является безконтрольнымъ цѣнителемъ своего поведенія, и куда можетъ увлечь его дѣтское неразуміе и сбросившая съ себя всякую узду воля, — это должно быть само-собою понятно всякому. Въ послѣдствіи изъ подобныхъ дѣтей вырабатываются всякаго рода лицемеры, фарисеи, льстецы, которые, съ лицевой [фасадной] стороны отличаясь благоприличіемъ, скромностію, смиреніемъ, благочестіемъ и т. п., на самомъ дѣлѣ, въ глубинѣ души своей, и въ всемъ интимномъ, домашнемъ обиходѣ, могутъ быть грязными циниками, нравственными и религіозными индифферентистами и даже положительными нигилистами.

Система воспитанія, страдающая противоположною крайностію, именно, излишнею гуманностію, при которой дѣти становятся властелинами своихъ родителей, также не сулитъ маленькимъ тиранамъ счастливой будущности. Избалованные, капризные, привыкшіе получать удовлетвореніе тотчасъ при первомъ требованіи, необузданные въ своихъ желаніяхъ, не выдавшіе надъ собой иного начала, кромѣ собственной воли, впоследствии на жизненномъ поприщѣ неминуемо должны встрѣтиться съ огромною массою самыхъ горькихъ разочарованій. Жизнь въ обществѣ требуетъ отъ человѣка великаго самоотреченія; съ разныхъ сторонъ она опутываетъ цѣпями его свободу, всюду она требуетъ покорливаго къ себѣ отношенія и жестоко иногда расправляется съ тѣмъ, кто осмѣлился бы дерзнуть пойти вопреки установленнымъ ею правиламъ, обычаямъ и законамъ. И въ такихъ-то тискахъ придется жить родительскому баловню, не привыкшему терпѣть никакого контроля надъ своими дѣйствіями. Очевидно, въ перспективѣ для него ничего не ожидается пріятнаго. Не говоримъ уже о томъ, что такіе люди оказываются крайне неприятными сослуживцами и сосѣдями, такъ какъ бываютъ обыкновенно чрезвычайно обидчивы, заносчивы, неуступчивы, вообще обладаютъ такими свойствами характера, которыя не общаются мира и спокойствія въ обществѣ.

Позднее начало правильныхъ педагогическихъ воздѣйствій на ребенка собираетъ угліе огненное на главу родителей, такъ какъ предоставляетъ достаточно времени для укорененія въ душѣ питомца непозволительныхъ влеченій его дѣтской природы. Извѣстно, что человѣческая природа, вслѣдствіе первороднаго грѣха, удобопреклонна болѣе къ злу, нежели къ добру, и потому, если оставить ее безъ педагогическаго воздѣйствія и ограниченія, то можно съ несомнѣнностію предполагать, что нечистыя грѣховныя побужденія и влеченія, гнѣздящіяся во всякомъ человѣческомъ существѣ, какъ бы ни было оно мало по возрасту, не преминутъ возобладать надъ лучшими и благороднѣйшими

его свойствами: въ беззаконіяхъ зачатъ есмь и во грѣсѣхъ роди мѧ мати моя, говоритъ псалмопѣвецъ. А укоренившись въ душѣ ребенка, сдѣлавшись привычными ему, какимъ великимъ тормазомъ обыкновенно являются эти влеченія въ послѣдствіи въ дѣлѣ воспитанія, и какое великое несчастіе они составляютъ какъ для самого воспитанника, такъ и для его воспитателей.

Мы не рисуемъ картинъ, чуждыхъ дѣйствительной жизни, не витаемъ въ сказочной области фантастическихъ образовъ и предположеній. Наше изображеніе болѣзненныхъ явленій, происходящихъ отъ крайне ненормальныхъ условий семейнаго воспитанія имѣетъ реальное основаніе и въ дѣйствительной жизни. Осязательнымъ доказательствомъ этого служитъ появленіе у насъ цѣлаго штата «неудачниковъ» и въ семьѣ, и въ школѣ. Эти «неудачники» составляютъ уже настолько ощутительное зло въ нашемъ обществѣ, что обращаетъ вниманіе на себя представитель педагогіи и медицины. Въ «Вѣстникѣ Воспитанія» появилась статья г. Перфильева подъ заглавіемъ—«Что такое дѣти, трудныя въ воспитательномъ отношеніи», которая отчасти послужила и намъ для собранія фактовъ, указывающихъ на ненормальныя стороны нашего семейнаго воспитанія. Эта статья слѣдующимъ образомъ характеризуетъ «неудачниковъ», или дѣтей, трудныхъ въ воспитательномъ отношеніи: «Пока они (дѣти) очень малы—они плаксивы, раздражительны, требуютъ то то, то другое, няньки и мамки сѣшаютъ удовлетворить ихъ желанія, врачи отыскиваютъ болѣзни и лѣчатъ: назначаются порошки, микстура и ванны. Съ возрастомъ они дѣлаются еще неспособнѣе: слоняются цѣлые дни изъ угла въ уголь, себѣ не находятъ мѣста и другимъ не даютъ покоя: имъ покупаютъ всевозможныя игрушки, которыя, имъ, естественно, скоро надоедаютъ, и они ихъ бросаютъ и ломаютъ, удовлетворивши первое впечатлѣніе, то, что мы называемъ «капризомъ» минуты; та же исторія повторяется и съ книжками: ни назидательныя, ни иллюстрированныя—ничто ихъ подолгу не занимаетъ; если ребенокъ живой, впечатлительный по темпераменту, онъ становится шумливъ, безтолково шаловливъ, неистощимъ на всевозможныя проказы и продѣлки, грубъ и дерзокъ съ окружающими, если онъ наоборотъ вялый по темпераменту, онъ—«сиюна», вѣчно ноетъ, всѣмъ недоволенъ, не любитъ общества сверстниковъ, и самъ ни къ чему не можетъ пристроиться... Въ наши дни особенно много дѣтей и той и другой категоріи, они есть почти въ каждой семьѣ. И дѣйствительно, они производятъ тяжелыя, непріятныя впечатлѣнія и на своихъ домашнихъ, и на окружающихъ: они дѣйствительно «нервны», «капризны» или становятся таковыми... Отцы и матери просто приходятъ въ отчаяніе, падаютъ духомъ, иной разъ просто таки клянутъ день ихъ рожденія; наемные воспитатели или, de facto, владутъ на нихъ свои силы и знанія, или, заручившись терпѣніемъ, выносятъ все и хлопочутъ только о вѣншемъ благоприличіи и приспособляются ко вкусамъ нанимателей». (В. В. № 3 стр. 76—77). Говоря о школьномъ періодѣ такихъ дѣтей, авторъ замѣчаетъ: «Если они были семьѣ въ тягость, съ ними не знали, что дѣлать,—школа не только не уничтожаетъ или не исправляетъ зла, а напротивъ, еще усугубляетъ его: они становятся еще того хуже; ни репетиторство, никакія дисциплинарныя мѣры ни къ чему не приводятъ, а только еще ухудшаютъ дѣло. И, что всего, быть можетъ, хуже, съ возрастомъ въ натурѣ, въ характерѣ ребенка ко всему прочему присоединяются вновь или замѣтно усиливаются такія свойства, которыя дѣйствительно не обѣщаютъ ничего хорошаго впереди: какое-то скрытное озлобленіе, враждебность противъ всего окружающаго и противъ

школы въ особенности: дѣло доходитъ до того, что школа, книги и всякая учеба становится нестерпимой». (Тамъ же стр. 85). Подводя итоги своей статьи, г. Перфильевъ снова высказывается такимъ образомъ о дѣтяхъ-неудачникахъ: «Наши дѣти средней интеллигентной семьи, появляясь на свѣтъ вполне здоровыми, а тѣмъ болѣе съ тѣми или другими, унаслѣдованными или врожденными, аномаліями и недостатками развитія, почти съ первыхъ же шаговъ своего существованія, мало-по-малу попадаютъ въ сферу многочисленныхъ и разнообразныхъ неблагоприятныхъ вліяній на ихъ тѣло и духъ; вліянія эти, суммируясь и комбинируясь, еще до наступленія школьнаго возраста, дѣлаютъ нашихъ дѣтей «нервными», «капризными»—словомъ тѣмъ, что принято называть «дѣтьми, трудными въ воспитательномъ отношеніи». Съ наступленіемъ школьнаго періода и по мѣрѣ прохожденія его, и въ низшей и средней школѣ, сумма этихъ неблагоприятныхъ вліяній не только не уменьшается, но напротивъ увеличивается на счетъ специальныхъ школьно-воспитательныхъ воздѣйствій, и дѣти, бывшіе въ семьѣ трудными въ воспитательномъ отношеніи, и въ школѣ не только остаются таковыми же, но еще становятся и «трудно образовательными», т. е. трудными и въ образовательномъ отношеніи. И такъ проходятъ годы. То, что въ дѣтскомъ возрастѣ, у ребенка было капризомъ и нервностію, какъ преобладающими чертами его характера, въ сущности, остается тѣмъ же и въ старшемъ возрастѣ, принимая только иныя формы выраженія, выражаясь именно общею слабостію психики и интеллекта—ея подавленностію или раздражительностію: со стороны ума—недостаточною самодѣятельностію его, со стороны чувства—слабостію и раздражительностію чувствованій, легкою воспримчивостію и въ то же время неустойчивостію; со стороны воли—недостаткомъ энергіи, слабостію внутреннихъ импульсовъ (неустойчивостію воли, тѣмъ, что принято называть безхарактерностію и распушенностію), и въ то же время, какъ ближайшее и непосредственное проявленіе такой психики и интеллекта, бросается въ глаза—узкій, относительно ума, односторонній, относительно чувства (только личное—я) и безсильный, слабый, относительно воли—эгоизмъ. Послѣдующія неудачи, начиная еще со школьной семьи, присоединяютъ сюда чувство вражды, озлобленія, сперва въ формѣ только школьныхъ интересовъ, а затѣмъ и ко всему окружающему, съ переходомъ отсюда въ беспочвенный, брюзгливый пессимизмъ... Сперва—это дѣти, которыхъ трудно воспитывать, потомъ—это люди, съ которыми трудно становится жить и дѣло дѣлать» (стр. 88)—такъ заканчиваетъ авторъ свою рѣчь о дѣтяхъ-неудачникахъ, которыхъ у насъ, по справедливому его замѣчанію, становится чрезвычайно много, и которыя бывають чуть не въ каждой семьѣ...

С. Левитскій.

Въ № 9 «Офф. Отд.» при № 12 «Моск. Церк. Вѣд.» въ «Вѣдомости о пожертвованіяхъ, поступившихъ въ Епархіальный при Богоявленскомъ монастырѣ Комитетъ для сбора пожертвованій въ пользу голодающихъ» оказались слѣдующія опечатки.

Напечатано:

1. Стр. 45. § II. № 63.
Отъ священника с. Маркова І. Казанцева

46 р. 12 к.

Слѣдуетъ читать:

Отъ священника с. Маркова І. Казанцева.

46 р. 12 к.

2. Стр. 46. § III. № 4.
У настоятелей церквей
благочинія протоіерея
И. Θ. Касицына.

47 р. 3 к.

3. Стр. 46. § III. № 24.
У старосты Вознесен-
ской, при Вознесенской
Мануфактурѣ, церкви
Н. И. Никольскаго.

8 „ „

У настоятелей церквей
благочинія протоіерея
И. Θ. Касицына.

47 р. 33 к.

У старосты Вознесен-
ской, при Вознесенской
Мануфактурѣ, церкви
Н. И. Никольскаго.

88 р. 59 к.

ОТЪ РЕДАКЦИИ: Статья «о культурѣ совѣсти» не будетъ на-
печатана.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА

„Благодѣянія Богоматери роду христіанскому чрезъ Ея святія иконы“.

Книга эта содержитъ въ себѣ историческія, возможно-
полныя свѣдѣнія о чудотворныхъ иконахъ Пресвятой
Богородицы, ихъ происхожденіи и чудесахъ, совершаю-
щихся по молитвамъ предъ ними.

цѣна **2** руб.

(652 страницы, съ рисунками).

КНИГОПРОДАВЦАМЪ ОБЫЧНАЯ УСТУПКА.

Требованія адресовать: въ магазинъ Отдѣла распространенія
духовно-нравственныхъ книгъ. Москва, Петровскій монастырь.

Вышло въ свѣтъ четвертое изданіе книги

„ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ“,

дополненное новыми постановленіями, опубликованными по
духовному вѣдомству по 7 марта 1892 г. Соч. П. Нечаева
Спб., 1892 г.

Краткое содержаніе книги: Общія свѣдѣнія о законодательствѣ
и управленіи Церкви вселенской и русской; (Св. Синодъ, власть

Редакторъ протоіерей
В. Рождественскій.

Типографія А. И. Снегиревой.
Москва, Остоженка, Савеловскій пер., соб. домъ.

Цензоръ
Архимандритъ Арсеній

оберъ-прокурора его; синодальныя конторы, протопресвитеръ
военнаго и морскаго духовенства, духовникъ Ихъ Величествъ,
епархіальное управленіе). О пастырскомъ служеніи. Учительная
дѣятельность священника; мѣры противъ раскола; частная жизнь
священника. Совершеніе св. Таинствъ и др. священнодѣйствій
(съ особенно подробнымъ изложеніемъ постановленій о «брагѣ»
и съ нагляднымъ указаніемъ способовъ опредѣлять степени
родства). О церковномъ хозяйствѣ: опись церк. имущества, по-
стройка церквей и поновленіе оныхъ; церковныя дома, земли
и другія угодья; церковныя капиталы; права и обязанности
церк. старосты. Церковное писмоводство: клировыя вѣдомости,
метрич. книги, исповѣдныя росписки и пр.; выдача метрич. сви-
дѣтельствъ и др. церк. документовъ; постановленія о гербо-
вомомъ сборѣ. Служебныя отношенія священника: къ Епископу,
причту и прихожанамъ. Права и преимущества священнослужи-
телей и ихъ дѣтей: матеріальное обезпеченіе жалованьемъ, по-
собіями и пенсіей; награды и знаки отличія; увольненіе въ от-
пускъ и за штатъ. О церковномъ судѣ и подсудности лицъ
духов. званія суду свѣтскому; мѣры взысканій; лишеніе сана
и добровольное сложеніе его. Въ концѣ книги (заключающей
въ себѣ 600 страницъ убористаго и четкаго шрифта) помѣщено
148 страницъ разныхъ приложений, имѣющихъ отношеніе къ
дѣятельности приходскаго священника, въ томъ числѣ: о про-
тивораскольническихъ миссіяхъ, объ управленіи военнымъ ду-
ховенствомъ, инструкціи церковнымъ старостамъ, о приход.
попечительствахъ, церк. братствахъ и церк.-приход. школахъ
и школахъ грамоты, уѣздныхъ отдѣленіяхъ епарх. учил. со-
вѣтовъ; программы по закону Божію и церк. пѣнію въ церк.
приходскихъ школахъ; о выдачѣ свидѣтельствъ учащимся въ
этихъ школахъ; о раздѣлѣ доходовъ между членами причта;
о наслѣдствѣ и духовныхъ завѣщаніяхъ. Образцы разныхъ
церковныхъ документовъ. Веденіе приходо-расходныхъ церков-
ныхъ книгъ. Вопросы при исповѣди мірянъ и подробный Ука-
затель предметовъ, содержащихся въ книгѣ.

Цѣна: два рубля тридцать пять коп. съ пересылкою. Мелочь
можно посылать почтовыми марками. Духовныя консисторіи и
православныя братства, при требованіи прямо отъ автора не
менѣе 25 экз., платятъ по 1 р. 75 к. съ перес. Адресъ:
С.-Петербургъ, Литейный просп., домъ православнаго духовнаго
вѣдомства, № 32, кв. 6, Петру Ивановичу Нечаеву, а также
во всѣ болѣе извѣстные книжныя магазины: въ С.-Петербургѣ,
Москвѣ, Кіевѣ, Казани и въ Томскѣ (въ маг. П. И. Макушина).

У того же автора продается «Учебникъ» по практическому
руководству для пастырей, изд. 3-е, въ двухъ выпускахъ.
Выпускъ I-й (курсъ V-го класса дух. семинарій) ц. 55 коп.
съ пересылкою, выпускъ II-й (курсъ VI-го кл. дух. семинарій)
ц. 75 коп. съ пересылкою.